

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 • 2021

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (отв. секретарь)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, кандидат юридических наук, доцент
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский гос. университет);
О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Орловский гос. университет);
В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России);
Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);
О. С. Розгачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);
А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);
Т. К. Рябина, кандидат юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);
М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);
И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);
В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Н. Н. Масленникова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 8,1. Усл. п. л. 8,9. Тираж 500 экз. Заказ 628. Дата выхода в свет 30.10.2021
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2021
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2021

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 • 2021

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor,
executive secretary
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, candidate of legal sciences, associate professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor (Volgograd State University);
Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor (South Ural State University);
O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Orel State University);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, candidate of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya Sq., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2021
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2021

СОДЕРЖАНИЕ

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственные основы юридической деятельности (IV Кокоревские чтения)» (Воронеж, 15–16 сентября 2021 г.): фотоотчет..... 7

16 **ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

<i>Ахтырская Н. Н.</i> Судебная этика как основа формирования доверия к правосудию.....	16
<i>Рябинина Т. К.</i> Взгляды Л. Д. Кокорева на современную судебную реформу (к 30-летию принятия Концепции судебной реформы в РСФСР)	22
<i>Головкин Л. В.</i> М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности	29
<i>Марковичева Е. В.</i> Этические аспекты цифровизации современного уголовного процесса.....	37
<i>Волосова Н. Ю.</i> Цифровое правосудие и перспективы сохранения нравственных основ судопроизводства	42
<i>Миронова Е. Ю.</i> Этика судьи в век информационных технологий	48
<i>Александров А. С.</i> Сравнительная этичность очной ставки и перекрестного допроса	54
<i>Манова Н. С.</i> Нравственные составляющие приоритетов уголовно-процессуальной деятельности прокурора	64
<i>Малышева О. А.</i> О нравственных началах деятельности следователя по обеспечению возмещения вреда потерпевшему.....	70
<i>Росинский С. Б.</i> «Пилотные» обвинения в досудебном производстве по уголовному делу не только противозаконны, но и безнравственны	76
<i>Гудкова Н. А.</i> Нравственные аспекты допроса несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном процессе.....	84
<i>Рудакова С. В.</i> Нравственные основы деятельности защитника по обжалованию в уголовном судопроизводстве.....	88
<i>Шевелева С. В., Долгих С. Д.</i> Об отдельных новеллах уголовного закона 2021 г., связанных с преюдиционными преступлениями	95

102 **ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ**

<i>Зотов Д.</i> Судья-вешальщик	102
---------------------------------------	-----

CONTENTS

IV all-Russian scientific-practical conference «Moral foundations of legal activities (IV Kokorevskie readings)» (Voronezh, 15–16 September 2021): photo report7

16 MORAL FOUNDATIONS OF LEGAL ACTIVITIES

<i>Akhtyrskaya N. N.</i> Judicial ethics as a basis for the formation of trust in justice.....	16
<i>Ryabinina T. K.</i> L. D. Kokorev's views on modern judicial reform (on the 30th anniversary of the adoption of the Concept of Judicial Reform in the RSFSR)	22
<i>Golovko L. V.</i> M. S. Strogovitch and the «artificial intelligence»: about the contemporary reincarnation of the old theories and their ethical nullity.....	29
<i>Markovicheva E. V.</i> Ethical aspects of digitalization of modern criminal procedure.....	37
<i>Volosova N. Yu.</i> Digital justice and prospects for preserving the judicial proceedings moral basis	42
<i>Mironova E. Yu.</i> Ethics of a judge in the age of information technology	48
<i>Aleksandrov A. S.</i> Comparative ethics of confrontation and cross-examination	54
<i>Manova N. S.</i> Moral components of the priorities of criminal procedural activities of the prosecutor.....	64
<i>Malysheva O. A.</i> On the moral principles of the investigator's activity to ensure compensation for harm to the victim.....	70
<i>Rossinskiy S. B.</i> Preliminary indictments in pre-trial criminal proceedings are not only illegal, but also immoral.....	76
<i>Gudkova N. A.</i> Moral aspects of interrogation of a minor accused in criminal process	84
<i>Rudakova S. V.</i> The moral foundations of the defender's activity on appeal in criminal proceedings	88
<i>Sheveleva S. V., Dolgikh S. D.</i> On certain novelties of the criminal law of 2021 related to pre-traditional crimes	95

102 ARTS AND JUSTICE

<i>Zotov D.</i> Hanging Judge	102
-------------------------------------	-----

**IV ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**«НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(IV КОКОРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)»
Воронеж, 15–16 сентября 2021 года**

*Участники IV Всероссийской научно-практической конференции
«Нравственные основы юридической деятельности
(IV Кокоревские чтения)»
Воронеж, 15 сентября 2021 года*

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственные основы юридической деятельности»

Модератор конференции – **Манова Нина Сергеевна**, заведующая кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор

Победкин Александр Викторович, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

Макарова Зинаида Валентиновна, ведущий эксперт института дистанционного и открытого образования Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Головко Леонид Витальевич, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Васильев Олег Леонидович, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственные основы юридической деятельности»

Малышева Ольга Анатольевна, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук

Шевелева Светлана Викторовна, декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук

Россинский Сергей Борисович, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук

Рябина Татьяна Кимовна, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Степанов Виктор Вячеславович, доцент кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук

Иванов Вячеслав Васильевич, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, кандидат юридических наук

IV Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственные основы юридической деятельности»

Рудакова Светлана Викторовна, доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета имени А. А. Хмырова Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук

Марьина Евгения Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени С. П. Королёва, кандидат юридических наук

Тихонова Светлана Сергеевна, доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук

IV Всероссийская научно-практическая конференция
«Нравственные основы юридической деятельности»

СУДЕБНАЯ ЭТИКА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К ПРАВОСУДИЮ

Анализируется современная роль этики в судопроизводстве, ее роль в предотвращении коррупции, рассматриваются возможные последствия нарушения норм нравственности в правосудии всеми участниками процесса. Этическое поведение судьи призвано способствовать повышению эффективности правосудия, формированию доверия к судебной власти, что обеспечивает стабильность в государстве и деловое международное сотрудничество. Этика является обязательным критерием оценки судебного заседания, процесса судебного следствия и судебного решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная этика, беспристрастность, нравственность, тактика судебного следствия.

JUDICIAL ETHICS AS A BASIS FOR THE FORMATION OF TRUST IN JUSTICE

The article analyzes the modern role of ethics in judicial proceedings, its role in preventing corruption and examines the possible consequences of violations of moral norms in justice by all participants in the process. The ethical behavior of a judge is designed to improve the efficiency of justice, build trust in the judiciary, which ensures stability in the state and business international cooperation. Ethics is a mandatory criterion for evaluating a court session, the process of judicial investigation and a court decision.

К е у о р д s: judicial ethics, impartiality, morality, tactics of judicial investigation.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Законодательный процесс, направленный на внедрение международных стандартов соблюдения прав человека в систему правосудия, должен сопровождаться формированием тактики реализации функций судопроизводства. Сам факт принятия нового закона не исключает риск кризисных проявлений процессуального характера¹. По мнению Ю. В. Францифорова, следует обратить внимание на то, что государственный механизм охраны и защиты прав участников уголовного процесса требует действенности процессуальных мер, способствующих реализации этих прав, а также предупреждению их от возможных нарушений². Формальное соблюдение нормы закона и содержание судебного решения сами по себе не формируют доверия к судебной власти; процесс судебного следствия, как и досудебного расследования, должен соответствовать критери-

¹ См.: Рамазанова Т. Б. Кризисные проявления в уголовном судопроизводстве России // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 4–16.

² См.: Францифоров Ю. В. Охрана и защита прав человека и гражданина как аксиологическая основа уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 17.

© Ахтырская Н. Н., 2021

ям нравственности, морали, этики, духу справедливости. Такое восприятие суда должно формироваться не только у непосредственных участников процесса, но и у «постороннего сознательного наблюдателя». Честная и неподкупная судебная система является основой демократии и верховенства права. Даже если все другие механизмы защиты не действуют, судебная система служит для общества тем бастионом, который призван ограждать его от любых посягательств на гарантированные законом права и свободы³. Юкио Мисима в книге «Несущие кони» описал положение судьи и процесс принятия решений поэтически точно: «Вот я на вершине. На такой, что темнеет в глазах. Не на той вершине, что достигается властью и деньгами, а на той, что, можно сказать, представляет государственный разум, – на вершине логической конструкции. На вершине, где вершится справедливость. Судья, будучи на страже справедливости, выбирает пинцетом разные низменные страсти, завернув в теплый сверток разума, несет домой, и они ложатся в строчки судебных решений... Он встает в тупик перед различными тайнами и каждый день целиком отдается работе, скрепляет кирпичики, из которых возводится здание правосудия»⁴.

В современном обществе все большее внимание уделяется судебной власти журналистами, политиками, социологами, психологами (судебная конфликтология), что оправдано влиянием эффективности и качества судопроизводства на доверие не только к самому суду, но и к государству иных субъектов международного сотрудничества (смогла ли власть обеспечить формирование независимого суда, гарантирует ли власть невмешательство в принятие решений, как относится государственная власть к своим гражданам – служит ли она обеспечению прав и свобод в лице судебных органов). Такой подход объясним осторожностью субъектов политической и экономической сферы устанавливать договорные отношения, заключать инвестиционные договоры, стремлением минимизировать риски потерь в связи с недостатками правового механизма защиты в суде. В Украине вопросы совершенствования судебной системы рассматриваются с точки зрения создания инвестиционной привлекательности. В Национальной экономической стратегии на период до 2030 г., утвержденной постановлением Кабинета министров Украины от 3 марта 2021 г., отмечено, что одним из барьеров в достижении поставленных целей является низкий уровень доверия общества к судебной системе. Согласно показателям Индекса восприятия коррупции Transparency International в Украине наблюдается незначительное улучшение показателей в течение 2012–2018 гг. (с 26 до 32 баллов) и незначительное падение до 30 баллов в 2019 г. (126 из 198 стран). Это на 32 балла меньше Румынии (70-е место), на 47 % меньше Чехии (44-е место), на 49 % меньше Польши (41-е место) и на 62,5 % меньше Германии (9-е место). Соседние государства по рейтингу – Киргизия, Азербайджан и Джибути (аналогичные показатели), Боливия, Габон и Малави (на один пункт выше). Согласно данным Индекса 2020 г., Украина несколько улучшила позицию в рейтинге, заняв 117-е место (набрала 33 балла), в то же время, по результатам ежегодного опроса иностранных инвесторов, организованного Европейской бизнес-ассоциацией, в

³ Комментарий к Бангалорским принципам поведения судей. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf

⁴ Мисима Ю. Несущие кони. СПб., 2021. С. 25.

2016–2019 гг. распространение коррупции было на первом месте среди ключевых препятствий инвестициям в Украину, а в 2020 г. – на втором месте, уступив недоверию к судебной власти⁵.

Действующее законодательство предусматривает тщательную процедуру отбора судей и последующий контроль, в рамках которого судьи подают декларацию о доходах, декларацию родственных связей (ежегодно до 1 февраля), декларацию добропорядочности судьи, состоящую из перечня утверждений, правдивость которых судья должен подтвердить или опровергнуть, в частности соответствие уровня жизни судьи (соотношение имеющегося у него и членов семьи имущества полученным доходам), несовершение коррупционных правонарушений, отсутствие оснований для привлечения к дисциплинарной ответственности, добросовестное выполнение обязанностей судьи и соблюдение им присяги, невмешательство в правосудие и соблюдение им присяги, невмешательство в правосудие иными судьями и др. С целью реализации положений ст. 58 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» действует Кодекс судебной этики, согласно которому судья обязан быть примером неукоснительного соблюдения требований закона и принципа верховенства права, присяги судьи, а также соблюдения высоких стандартов поведения с целью укрепления доверия граждан в честность, независимость, беспристрастность и справедливость⁶ (второй раздел регулирует этику в суде в период отправления правосудия, третий раздел посвящен правилам внесудебного поведения судьи). В отчете GRECO, принятом в Страсбурге 2–6 декабря 2019 г. на 84-м пленарном заседании о соответствии мер по борьбе с коррупцией среди прокуроров, судей и народных депутатов, был отмечен ряд мер, необходимость в проведении которых является целесообразной – снизить уровень стоимости подарков, которые могут принимать указанные лица, уточнить концепцию приемлемой гостеприимности, внедрить специализированное регулярное обучение судей, а также обеспечить наглядными пособиями по вопросам этики, добропорядочности, предотвращения конфликта интересов. При этом указано, что Комитет по вопросам этики Совета судей должен играть проактивную роль в этом контексте и консультировать судей⁷.

Нравственная дилемма существует всегда: с одной стороны, судья должен чувствовать обстоятельства, чтобы сформировать внутреннее убеждение, но с другой – обязан быть сдержанным и строго служить закону. Нравственная дилемма четко сформулирована в Комментариях к Бангалорским принципам: «Можно ли рассчитывать на то, что сотрудники судебных органов, с одной стороны, имеют или способны значительно развить в себе такие качества, как такт, скромность, решительность, чуткость, здравый смысл и интеллектуальная строгость, и при этом не производят впечатление людей равнодушных, замкну-

⁵ Национальная экономическая стратегия на период до 2030 года : утв. постановлением Кабинета министров Украины от 3 марта 2021 г. URL: <https://www.kmu.gov.ua/npas/pro-zatverdzhennya-nacionalnoyi-eko-a179>

⁶ Кодекс судебной этики : утв. XI съездом судей Украины от 22 февраля 2013 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/n0001415-13#n4>

⁷ Предотвращение коррупции среди народных депутатов, судей и прокуроров. Отчет-оценка. Страсбург, 6 декабря 2019 г. URL: <https://nazk.gov.ua/wp-content/uploads/2020/03/Greko.pdf>

тых, консервативных, закоснелых, лишенных чувства юмора или же чопорных? Конечно, одновременно сочетать в себе две роли – образцового и обычного гражданина – может казаться делом совершенно невозможным. Поведение, которое одни одобряют как цивилизованное и учтивое, другие будут порицать как чопорное и церемонное. И наоборот, то, что одни осудят как недостойное поведение, свидетельствующее о неуважении к судебной должности, другие будут восхвалять за проявление сотрудниками судебных органов чувства юмора и способность не воспринимать самого себя слишком серьезно⁸.

Следует отметить, что в практике встречается ряд нарушений, которые приводят к дисциплинарной ответственности судей за нарушение этики.

Так, в административном суде рассматривалось дело по заявлению гражданки Р., представляющей интересы своей дочери, к миграционной службе г. Киева. Истец возражала против получения паспорта в виде ID-карты, объясняя это несогласием на оцифровку изображения лица, радужной оболочки глаз, подписи и отпечатков пальцев рук. По ее мнению, такая процедура является вмешательством в личную жизнь ее дочери. После таких показаний судья задала вопрос: «А радужная оболочка глаз – это конфиденциальная информация?». На утвердительный ответ, судья иронично ответила: «Ну, это Вы так считаете! Истец, для того чтобы получить положительное решение, Вы должны убедить суд, я не слышу никаких аргументов. Отпечаток пальца и радужная оболочка глаз не являются конфиденциальной информацией. Точка! Еще раз! Закон, на который Вы ссылаетесь (о защите персональных данных), не защищает отпечатки пальцев. У меня возникает вопрос, зачем Вы обратились в суд?!». Истец пояснила, что хочет, чтобы ее дочь получила паспорт в виде книжки. Судья: «Нет такого права выдавать паспорт старого образца. Такой паспорт выдается в исключительных случаях. Докажите, что Ваш случай именно такой». В дальнейшем состоялся диалог. Истец: «У нас есть религиозные убеждения». Судья: «Какие?». Истец: «Мы православные христиане». Судья: «Прекрасно! Скажите, какие догмы православия запрещают получать паспорт в виде ID-карты?». Истец: «Любое присвоение вместо имени цифрового номера не является приемлемым для православия». Судья: «В ID-карте указывается фамилия и имя!». Истец: «Номер цифровой, присвоенный человеку, потом вносится в компьютер». Судья: «Скажите, пожалуйста, что значит «где-то в компьютере»? У нас существует множество реестров! О каком компьютере Вы говорите?». Истец: «Я имею в виду общий компьютер, созданный на земле, а потом вся информация идет туда». Судья: «Где находится такой компьютер?». Истец: «Я не могу Вам сказать, где он находится». Судья: «Значит, это просто плод Вашей фантазии!». Истец, обращаясь к судье: «Тогда Вы мне объясните, как собираются данные для ID-карты». Судья: «Это Вы мне задаете вопрос? Это что у нас коллоквиум? Я Вас привлеку к ответственности за неуважение к суду! Я Вам открою большой секрет, что в 90 % по отпечаткам пальцев нельзя идентифицировать лицо. Зачем Вы обратились в суд, для этого должны быть основания, а не фантазии о существовании какого-то компьютера. О каких религиозных убеждениях мы с Вами говорим, если Вы получили налоговый идентификационный код? В каком виде Вы получаете зарплату (на карту)? Я задаю этот вопрос для установления факта религиозных убеждений! Не нужно мне рассказывать о законе («О персональных данных»), я закон знаю на память, в отличие от Вас – дилетанта, пытающегося мне процитировать какие-то положения из закона! Мне сплетни не нужны, мне нужен фактаж. Если мне будут нужны сплетни, для этого есть Интернет. Что-либо, кроме сплетен, можете пояснить суду? Я буду слушать исключительно фактические данные. Ваши фан-

⁸ United States of America, Supreme Court of Wisconsin, Judicial Conduct Advisory Committee, Opinion 1998-10R.

тазии по поводу существования всеобщего компьютера с персональными данными меня не интересуют, у меня нет времени выслушивать Ваши фантазии».

Судья проявила раздражение и пренебрежительное отношение к несовершеннолетней, интересы которой представляла мама (истец), когда та не смогла ответить на поставленный вопрос, парировав, что она учится в одиннадцатом классе и не может до сих пор сформулировать свою мысль.

Очевидно, что судья комментирует содержание искового заявления, оценивает его качество, цель обращения, корректирует показания, общение с истцом происходит в «бытовом» стиле, судья допускает неуважение к истцу и его несовершеннолетней дочери, повышает тон. Высшим советом правосудия было принято решение о привлечении судьи Киевского окружного административного суда к дисциплинарной ответственности в виде временного отстранения от осуществления правосудия сроком на шесть месяцев с лишением права на получение доплат к должностному окладу и обязательным направлением судьи в Национальную школу судей для прохождения курса по вопросам применения норм Кодекса административного судопроизводства и судебной этики с дальнейшим прохождением квалификационного оценивания.

Судья должен избегать такого поведения, которое может быть воспринято как проявление предубеждения или предвзятости. Следует избегать неоправданных нареканий в адрес адвокатов, оскорбительных и неуместных замечаний в отношении сторон и свидетелей, заявлений, свидетельствующих о наличии сложившегося мнения, а также несдержанного и нетерпеливого поведения, поскольку это может подорвать доверие к объективности суда⁹.

В исламском праве предусмотрено следующее: «... в зале судебных заседаний должны царить серьезность, сдержанность и благоговение. Это не место для фривольного поведения, пространных речей и проявлений невоспитанности. Такие же требования предъявляются и к тяжущимся сторонам, свидетелям и всем, кто присутствует в зале суда. Когда судья занимает свое место, он должен выглядеть достойно, быть полностью готовым выслушать представляемые ему доводы и учесть все предъявляемые ему доказательства. Судья не должен поддаваться раздражению, проявлять крайнее нетерпение, чрезмерную радость или огорчение либо крайнее беспокойство»¹⁰.

Этика судебного заседания предполагает также соблюдение определенных нравственных принципов всеми участниками процесса, нарушение которых может иметь негативные последствия. Так, ЕСПЧ в решении по делу «Жданов и другие против России» пришел к выводу о том, что «продолжая публиковать оскорбления в отношении Суда и его судей после предупреждения, заявитель проявил неуважение к самому учреждению, к которому он обращался за защитой своих прав. Действительно, недопустимо обращаться за защитой в суд, в котором заявитель утратил доверие. Его поведение представляет собой «досадное проявление безответственности и легкомысленного отношения к Суду», равносильное презрению, и поэтому противоречит цели права на индивидуальное об-

⁹ Комментарий к Бангалорским принципам поведения судей. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности С. 55. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/Bangalore_principles_commentary_Russian.pdf

¹⁰ Судебная система в исламе, проект «Откройте для себя ислам». URL: www.islamtoday.com

ращение, как это предусмотрено в ст. 34 и 35 Конвенции. Это представляет собой злоупотребление правом на подачу заявления по смыслу подп. «а» п. 3 ст. 35 Конвенции¹¹. 24 марта 2021 г. Верховный Суд определил, что нецензурная лексика, оскорбительные слова или символы, в частности, которые используются для характеристики участников процесса, сторон, судьи, не могут использоваться ни в заявлениях по сути дела, ни в заявлениях по процессуальным вопросам, ни в иных процессуальных документах, ни в выступлениях участников судебного процесса и их представителей. Если поданная жалоба признается злоупотреблением процессуальными правами, суд с учетом обстоятельств имеет право оставить без рассмотрения либо вернуть жалобу, заявление, ходатайство.

Аналогичная позиция изложена в постановлении Большой палаты Верховного Суда от 7 ноября 2019 г., ссылаясь на практику ЕСПЧ («Ржегак против Чешской Республики» от 14 мая 2004 г., «Дюринже и Грандж против Франции» от 4 февраля 2003 г., «Guntis Apinis против Латвии» от 20 сентября 2011 г.).

Как справедливо отмечает Л. С. Андрейченко, любое судопроизводство должно быть правосудием. Но судопроизводство – это не всегда правосудие, ведь понятие «правосудие» ассоциируется с такими категориями, как «правда», «право», «справедливость», а ввиду того что судопроизводство не всегда является правосудным, т. е. не всегда речь идет о правосудии, поскольку иногда дела рассматриваются судами с нарушением норм как материального, так и процессуального права, что приводит к принятию несправедливого и незаконного решения, то и отождествление понятий «судопроизводство» и «правосудие», по нашему мнению, является ошибочным¹². Так, судья, в нарушение закона, в кабинете консультировала адвоката, давала рекомендации, проводила «инструктаж, как ему выступать в заседании для принятия решения в пользу его клиента» (за гонорар). Нарушение правил этики трансформировалось в преступление (получение неправомерной выгоды), что стало основанием для уголовного преследования.

По мнению Теннисона, «манеры не пустяки: они плод благородной души и честного ума»¹³. Очевидно, в этом и проявляется первооснова этики в предотвращении коррупции.

¹¹ «Жданов и другие против России». Решение ЕСПЧ. Страсбург, 16 июля 2019 г. URL: <https://european-court-help.ru/delo-zhdanov-i-drugie-protiv-rossii/>

¹² См.: Андрейченко Л. С. Реализация справедливого правосудия через призму социальной ценности // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 23.

¹³ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон : сборник советов и наставлений. М., 1991. С. 3.

*Институт права Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко*

Ахтырская Н. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики

Institute of Law of Taras Shevchenko National University of Kyiv
Akhtyrskaya N. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: akhtyrska.n@gmail.com

**ВЗГЛЯДЫ Л. Д. КОКОРЕВА
НА СОВРЕМЕННУЮ СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ
(К 30-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОНЦЕПЦИИ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РСФСР)***

Статья посвящена взглядам профессора Льва Дмитриевича Кокорева на предлагаемые правовые новеллы в уголовно-процессуальном законе, осуществляемые в ходе проведения в России современной судебной реформы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная реформа, судебная власть, уголовное судопроизводство.

**L. D. KOKOREV'S VIEWS ON MODERN JUDICIAL REFORM
(ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION
OF THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM IN THE RSFSR)**

The article is devoted to the views of Professor Lev Dmitrievich Kokorev on the proposed legal novelties in the criminal procedure law implemented in the course of modern judicial reform in Russia.

К e y w o r d s: judicial reform, judicial power, criminal proceedings.

Поступила в редакцию 18 ноября 2021 г.

2021 год знаменателен тем, что прошло 30 лет с тех пор, как Верховный Совет РСФСР, обсудив представленную Президентом РСФСР «Концепцию судебной реформы в Российской Федерации»¹ (далее – Концепция) и одоблив ее, тем самым признал проведение судебной реформы необходимым условием функционирования Российской Федерации как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законодательной деятельности.

Несомненной заслугой авторов Концепции явились провозглашение основных задач и направлений судебной реформы, выработка стратегического курса на преобразование правовой системы, в первую очередь – правосудия. Вместе с тем Концепция была воспринята неоднозначно, появились ее противники, критиковавшие Концепцию за отсутствие в ней системного подхода, преобладание процессуального аспекта, поверхностный и непродуманный характер некоторых рекомендаций, да и дальнейшая работа по принятию новых законодательных актов порой шла вразрез с провозглашенными в Концепции

* Публикация подготовлена в рамках государственного задания на 2021 г. по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992.

© Рябина Т. К., 2021

идеями². В литературе стали появляться публикации о проблемах, связанных с реализацией судебной реформы, о противоречиях и ошибках при ее проведении и в целом – о кризисе осуществления реформы.

Вместе с тем принятая в 1993 г. Конституция РФ подтвердила взятый курс на построение правового государства, впервые за всю историю России легализовав принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Наступила новая эпоха преобразования российского общества, государственного устройства, механизма правового регулирования общественных отношений во всех сферах социума³. Данная эпоха ознаменовалась укреплением судебной власти, носителем которой – суд – призван разрешать социальные конфликты, выступая гарантом законности и справедливости в обществе.

В изданном Президентом России 6 июля 1995 г. Указе «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» в свою очередь было отмечено, что работа по проведению судебной реформы продолжается и сводится она не к частным мерам, а является государственной политикой, требует широкого комплекса преобразований не только судебной системы и деятельности, но и органов внутренних дел, следствия, прокуратуры, государственной безопасности, а также принципов и порядка судопроизводства, положения личности в уголовном процессе.

Бесспорно, в литературе и практической деятельности приоритетной была признана задача формирования судебной власти как одной из трех ветвей власти в государстве, создание подлинной судебной независимости, обеспечение судебной защиты прав граждан, расширение судебной юрисдикции; разногласий по поводу таких целевых установок судебной реформы не возникло. Разногласия и дискуссии появились при определении способов достижения этих целей, конкретных путей проведения реформы. Так, одни сторонники реформы – «умеренные» – стремились к совершенствованию имеющейся судебной системы, процессуальной формы, обновлению судейского корпуса с использованием более жестких критериев профессионального отбора, с учетом исторических традиций России; другие – «радикальные» – стали искать новые принципы построения судебной системы, главным образом, в опыте «развитых цивилизованных стран».

Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) подтвердил приверженность России институтам правового государства, признав важнейшие принципы уголовного судопроизводства, повысив роль суда в уголовном производстве, гарантировав тем самым защиту прав и свобод человека и существенно обновив в духе нового назначения уголовного судопроизводства судебную деятельность. Такие серьезные преобразования раскрыли истинное предназначение суда – отправление пра-

² См.: *Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З.* Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 года – базовая основа законотворческой и правоприменительной деятельности постсоветской России // Вестник Удмуртского ун-та. 2017. № 3, т. 27. С. 107–109.

³ См.: *Козьявин А. А., Чистилина Д. О.* Перспективы развития взаимодействия институтов гражданского общества и уголовного судопроизводства // Известия Юго-Западного гос. ун-та. 2015. № 1. С. 136–144.

восудия как основной функции судебной власти⁴. Институт судебной власти оказался в центре внимания ученых, что обусловило принятие законов РФ «О статусе судей в Российской Федерации», «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации» и др.

Как уже подчеркивалось, судебно-правовая реформа может достичь желаемого успеха, если она коснется не только суда, но и всей системы правоохранительных органов, и в этом вопросе существует не меньше дискуссионных проблем, чем связанных с укреплением судебной власти.

Можно ли уже сегодня подводить какие-либо итоги осуществления судебной реформы? С одной стороны, 30 лет – серьезный срок для осмысления произошедших изменений, с другой стороны – реформа продолжается, если судить по регулярному обновлению российского законодательства. Но главный показатель реализации основных идей Концепции – это все же незатихающие дискуссии вокруг тех или иных правовых новелл или законопроектов, свидетельствующие о том, что рано ставить точку в реформировании российского правового пространства. Поэтому всегда интересно обращаться к мыслям тех ученых, которые неоднозначно восприняли предлагаемые новшества в правовом регулировании деятельности судов, прокуратуры, органов предварительного расследования, и еще интереснее по прошествии трех десятилетий с начала осуществления судебной реформы проверить правильность или ошибочность научных позиций этих авторов.

Конечно, очередные «Кокоревские чтения», проходящие на юридическом факультете Воронежского государственного университета, предоставляют замечательную возможность не только вспомнить нашего дорогого учителя Льва Дмитриевича Кокорева, но и вновь обратиться к его работам, проникнутым не только живым интересом к тому, что происходит в уголовно-процессуальной науке и практической деятельности, но и тревогой, озабоченностью по поводу грядущих изменений, а также надеждой на то, что неизбежные реформы осуществляются во благо человека.

Так, некоторые идеи, изложенные в Концепции судебной реформы в РФ, а также в проектах УПК РФ, были критически оценены Л. Д. Кокоревым. Это предложения об отходе от коллегиального рассмотрения уголовных дел; о расширении полномочий профессиональных судей и введении на стадии предварительного расследования судебного контроля за действиями и реше-

⁴ См.: *Лазарева В. А.* Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 16 ; *Котун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002. С. 20–21 ; *Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина.* М., 2003. С. 85–86 ; *Шевцов В. С.* Право и судебная власть в Российской Федерации. М., 2003. С. 193 ; *Бурдина Е. В.* Судебная власть в Российской Федерации : учебник. Саранск, 2006. С. 60 ; *Терехин В. А., Герасимова А. А.* Современная реформа в России и развитие функций судебной власти // *Российская юстиция.* 2011. № 10. С. 45 ; *Бозров В. М.* Судебная власть, статус судьи и компетенция в судебной деятельности // *Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России : теория и практика : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (11–13 апреля 2013 г.) / отв. ред. Т. К. Рябинина.* Курск, 2013. С. 31 ; *Калинина Н. С.* Деятельность судебной системы по вопросам реализации судебной власти // *Российский судья.* 2014. № 4. С. 11 ; *Якимович Ю. К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015. С. 22 ; и др.

ниями следователей и дознавателей; о лишении активности суда в установлении истины по делу; о введении суда присяжных.

По мнению Л. Д. Кокорева, отказ от коллегиального осуществления правосудия, замена суда с участием представителей народа – народных заседателей – профессиональными судьями снизит влияние на правосудие жизненного опыта и правосознания, которые привносят в судебную деятельность непрофессиональные судьи, сделают суд более зависимым от органов юстиции, от аппаратной, административной системы. На профессиональных судей легче будет влиять вышестоящим должностным лицам органов юстиции и суда. Независимость судей пострадает⁵.

Казалось бы, эти потери должен был компенсировать суд с участием присяжных заседателей, возрожденный в 1993 г. Но Лев Дмитриевич и по этому поводу высказал свои сомнения, считая, что деятельность суда присяжных коснется незначительного числа уголовных дел, большинство их будет рассматриваться профессиональными судьями. Несмотря на общепризнанность, что суд присяжных – это суд общественной совести и здравого смысла, уважаемый профессор утверждал, что истории известны многочисленные факты, когда данный суд выражал лишь общественные страсти и выносил несправедливые вердикты⁶. Наряду с этим, по мнению Л. Д. Кокорева, «...анализ доказательств по уголовному делу и решение вопросов: «было – не было», «совершил – не совершил», «виновен – не виновен» – это сложная юридическая работа, требующая профессиональных знаний, поэтому возникает опасность вытеснения права из правосудия сомнительными «нравственными» принципами»⁷.

В связи с этим Л. Д. Кокорев был убежденным сторонником сохранения традиционного суда в составе судьи и двух народных заседателей, который, несмотря на ряд недостатков, выдержал испытание временем, о чем свидетельствовала и судебная статистика. Так, участники уголовного процесса, заинтересованные в справедливом приговоре, на тот момент обжаловали всего лишь около 20 % приговоров, а вышестоящие суды отменяли и изменяли около 4 % приговоров. Абсолютное большинство приговоров судов России являлись законными и справедливыми. Поэтому Л. Д. Кокорев был убежден, что пока нет необходимости в коренной ломке действующей судебной системы⁸.

Вместе с тем у Л. Д. Кокорева никогда не ослабевал интерес к проблемам судебной деятельности, и он постоянно подчеркивал, что они, несомненно, нуждаются в дальнейшей глубокой научной разработке, это, в частности, касается вопроса о полномочиях суда. Совершенно справедливо он утверждал, что они должны вытекать из его основной функции – правосудия, но этому не соответствуют некоторые положения Концепции судебной реформы, сре-

⁵ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса : учеб. пособие. Воронеж, 1993. С. 123–126.

⁶ См.: Кокорев Л. Д. Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия 1, Гуманитарные науки. 1993. Вып. 1. С. 77.

⁷ Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. соч. С. 129.

⁸ См.: Кокорев Л. Д. Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия. С. 77.

ди которых идея судебного контроля за законностью и обоснованностью действий следователя. Соглашаясь с мнением авторов Концепции в том, что необходимо усилить гарантии интересов личности в уголовном процессе, Л. Д. Кокорев, тем не менее, к желанию авторов Концепции о передаче судам (судьям) полномочий по санкционированию ареста, обыска и некоторых других следственных действий, разрешению жалоб на решения следователя и т. д. отнесся отрицательно, поскольку считал, что такая мера снизит у судей возможность остаться объективными и беспристрастными. Если судьи еще в ходе расследования будут влиять на сам ход и результаты следствия, это приведет к судейской необъективности при последующем постановлении приговора. Не помешает этому и то, что одни судьи будут осуществлять контроль за следствием, а другие рассматривать дело по существу. Общие корпоративные интересы возьмут верх. Единая судебная система, несомненно, будет заинтересована в том, чтобы решения судей при вынесении приговора соответствовали решениям других судей, которые они принимали на стадии предварительного расследования, санкционируя арест и иные следственные действия, удовлетворяя или отклоняя жалобы на следователей и т. д. Единая судебная система не потерпит внутренних противоречий. И главный вывод, который делает Лев Дмитриевич, – судебный контроль за законностью расследования должен осуществляться лишь в рамках правосудия, при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании⁹.

Особенно болезненно Л. Д. Кокорев относился к идее, заложенной в Концепции (и затем нашедшей свое воплощение в УПК РФ) об ограничении права суда при осуществлении правосудия активно влиять на исследование материалов дела с целью установления объективной истины и вынесения обоснованного приговора, лишении его возможности восполнять пробелы предварительного следствия, возвращать дело для дополнительного расследования, возбуждать уголовное дело и т. д.¹⁰ Стоя на позиции расширения состязательных начал в уголовном процессе, Л. Д. Кокорев считал, что развитие состязательных начал, создание для обвинения и защиты равных процессуальных возможностей в исследовании доказательств не должно снижать роль суда в установлении истины по уголовному делу. Если закон будет ориентировать судей на пассивность в исследовании доказательств, то судейская справедливость существенно пострадает¹¹. Л. Д. Кокорев последовательно отстаивал мнение о том, что суд, как и прежде, несмотря на расширение состязательных начал, остается субъектом доказывания, несущим обязанность собирать доказательства и обосновывать конечный вывод¹².

В связи с этим Л. Д. Кокорев занимал твердую позицию в дискуссии по поводу порядка принятия судом решения при отказе государственного обвинителя от поддержания обвинения, правовое регулирование которого породило

⁹ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. соч. С. 122–123.

¹⁰ См.: Кокорев Л. Д. Судебная реформа : идеи и реальность // Юрид. записки. Вып. 1 : Проблемы судебной реформы. Воронеж, 1994. С. 10.

¹¹ См.: Кокорев Л. Д. Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия. С. 78.

¹² См.: Кокорев Л. Д. Судебная реформа : идеи и реальность. С. 10.

сомнения, является ли суд как орган, осуществляющий правосудие, независимым от чьих-либо позиций и мнений субъектом, и как ему поступать, если у него сложилось свое, отличное от прокурора, мнение по делу – по закону или совести? Вправе ли суд принимать решение о прекращении уголовного дела вопреки своему внутреннему убеждению¹³? По мнению Л. Д. Кокорева и Н. П. Кузнецова, безусловное прекращение уголовного дела ввиду отказа прокурора от обвинения ограничивает полномочия суда в доказывании, субъективное мнение прокурора не должно аннулировать результаты процесса доказывания на предварительном следствии, приведенные в обвинительном заключении, не должно оно лишать и суд возможности исследовать эти материалы¹⁴.

Незыблемым остаются в научном наследии Л. Д. Кокорева идеи, посвященные нравственным основам уголовного процесса, где тесно переплетаются закон и нравственность, интересы общества и личности, борьба с преступностью и защита от необоснованного обвинения. И среди нравственных проблем судопроизводства Л. Д. Кокорев всегда выделял независимость судей, а в известной степени и следователей, и прокуроров. По глубокому убеждению профессора, основная гарантия независимости судей (следователей, прокуроров) – это их нравственное сознание. Какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи, следователя, прокурора позволяют им принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а в угоду тому или иному влиянию¹⁵.

Лев Дмитриевич предупреждал, что судебная реформа не состоится, если одновременно с совершенствованием правовой основы деятельности правоохранительных органов не будут укрепляться их нравственные основы, поэтому искренне переживал, что проблемы судебной реформы обсуждаются главным образом в правовом аспекте, а их нравственная сторона явно недооценивается, а ведь среди основных следственных и судебных ошибок, несомненно, преобладают те, которые свидетельствуют об определенных изъянах именно в нравственном сознании: обвинительный уклон, несправедливость наказания и т. д. Необходима определенная переоценка понятий гуманизма, справедливости в нравственном сознании следователей, прокуроров, судей. Именно на этом пути, а не на волне «революционной» ломки всей правоохранительной системы, по мнению Л. Д. Кокорева, можно скорее достичь желаемых результатов в укреплении законности и правопорядка¹⁶.

Конечно, сейчас уже можно с уверенностью говорить о том, что институт судебного контроля прижился и возникает все меньше сомнений в независимости судей и отсутствии предвзятости при осуществлении ими правосудия в

¹³ См.: *Рябина Т. К.* Нравственные начала уголовного процесса : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2007. С. 365.

¹⁴ См.: *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс : доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 234–235.

¹⁵ См.: *Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Указ. соч. С. 118 ; *Кокорев Л. Д.* Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия. С. 81.

¹⁶ См.: *Кокорев Л. Д.* Проблемы защиты общества от преступлений и развития гарантий справедливости правосудия. С. 82.

досудебном производстве¹⁷. Суд с участием присяжных заседателей уже не выглядит столь экзотическим атрибутом российского уголовного судопроизводства. Конечно, продолжаются дискуссии, связанные с проблемой установления истины в ходе производства по уголовному делу, с ролью суда в процессе доказывания¹⁸. Изредка, но высказываются идеи о возвращении народных заседателей в судебное разбирательство. Всё это лишь свидетельствует о том, что судебная реформа не завершена – приходят новые люди с новыми идеями, направленными на дальнейшее преобразование судопроизводства, но нельзя сбрасывать со счетов идеи ученых, оставшихся на прежних, принципиальных позициях, опасющихся модернизаций, далеких от российских традиций, проверенных временем. Таким ученым, безусловно, был Лев Дмитриевич Кокорев. Прошло более 25 лет, как его не стало, а мы не устаем читать его работы, наполненные озабоченностью о будущности российского уголовного судопроизводства. Более того, критические замечания профессора ценны еще и тем, что они всегда носили аргументированный, искренний, заинтересованный в результатах проводимой реформы характер, поэтому, даже если не соглашаться в чем-то с его позицией, его теоретические измышления по поводу будущности российского уголовного судопроизводства важны и сегодня. Уголовный процесс переживает уже не одну волну перемен, и вновь они не все обдуманы и оправданы, поэтому мы снова будем обращаться к трудам таких ярких ученых, как Лев Дмитриевич Кокорев. И никогда его идеи не окажутся на задворках уголовно-процессуальной науки.

¹⁷ См.: Сыщикова Т. М., Шабанов П. Н. Судебный контроль как форма реализации судебной власти // Юрид. записки. 2013. № 3 (26). С. 86–88.

¹⁸ См.: Рябинина Т. К. Возвращение уголовного дела прокурору : старые проблемы в новом свете // Российский следователь. 2013. № 24. С. 6–9.

Юго-Западный государственный университет

Рябинина Т. К., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики

South-West State University

*Ryabinina T. K., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Criminalistics Department
E-mail: tatyankimovna-r@yandex.ru*

М. С. СТРОГОВИЧ И «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»: О СОВРЕМЕННОЙ РЕИНКАРНАЦИИ СТАРЫХ ТЕОРИЙ И ИХ ЭТИЧЕСКОЙ НИЧТОЖНОСТИ

Модные теории об имплементации так называемого «искусственного интеллекта» в правосудие по уголовным делам есть не что иное, как реинкарнация (с некоторым терминологическим ребрендингом) идей более чем полувековой давности. Профессор М. С. Строгович блестяще показал в свое время их не только техническую, но прежде всего этическую ничтожность. Его аргументация остается крайне важной для нас сегодня.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «искусственный интеллект», правосудие, уголовный процесс, этическая ничтожность.

M. S. STROGOVITCH AND THE «ARTIFICIAL INTELLIGENCE»: ABOUT THE CONTEMPORARY REINCARNATION OF THE OLD THEORIES AND THEIR ETHICAL NULLITY

The trendy theories about the implementation of the so-called «artificial intelligence» in the criminal justice are nothing more than a reincarnation (with some terminological re-branding) of the more than half a century old ideas. Professor M. S. Strogovitch brilliantly demonstrated in the day their not only technical, but also essentially ethical nullity. His argumentation remains very important for us today.

K e y w o r d s: «artificial intelligence», justice, criminal procedure, ethical nullity.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Новейшая правовая литература испещрена разнообразными публикациями о внедрении, использовании, применении в правосудии в целом и уголовном судопроизводстве в частности, включая следственную деятельность, так называемого «искусственного интеллекта»¹. Однако в них по совершенно непонятным причинам нигде не упоминается специальный параграф «О применении средств кибернетики в оценке доказательств» прекрасно известной и вышедшей полвека назад под редакцией М. С. Строговича монографии «Проблемы судебной этики», который был написан самим М. С. Строговичем и не только имеет непосредственное отношение к модной сегодня проблематике, но и выглядит чрезвычайно актуально. Попробуем сопоставить позицию выдающегося процессуалиста с современными рассуждениями, для чего прежде необходимо сделать два методологических уточнения.

¹ См., например: *Лаптев В. А.* Искусственный интеллект в суде (judicial AI) : правовые основы и перспективы его работы // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 10 ; *Цветков Ю. А.* Искусственный интеллект в управлении следственными органами // Российский следователь. 2021. № 9. С. 29 ; *Его же.* Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 91 ; и др. (Этот перечень составлен навскидку, путем элементарного и сугубо выборочного просмотра оглавлений нескольких оказавшихся под рукой юридических научных журналов за 2021 г.)

Во-первых, в дискурсе об «искусственном интеллекте» следует различать два измерения: реальное и, условно говоря, «футурологическое». Реальность понятна – под «искусственным интеллектом» понимается использование в правосудии, следственной деятельности, уголовном судопроизводстве и т. п. программирования (говоря «старым» и научно абсолютно корректным отечественным языком эпохи М. С. Строговича, электронных вычислительных машин – ЭВМ), т. е. достижений кибернетики. Здесь ничего нового нет, по крайней мере, с середины XX столетия, если не считать сугубо терминологические инновации, когда ЭВМ, компьютерная программа и прочие отлично известные явления превращаются в загадочный «интеллект», пусть и «искусственный». Иначе говоря, соревнования в образности сравнений, когда «суперкомпьютер» становится столь мощным, что позволяет с некоторой долей восторженности назвать его «управленческим мозгом»², нас не интересуют. Это экзерсисы от литературы, а не качественные инновации от науки.

Футурология также понятна: на каком-то этапе машина (компьютерная программа) должна преобразоваться в «искусственную когнитивную систему, приближенную по своему строению и способностям к мозгу человека»³, т. е. «очеловечиться». Однако предъявить такого рода «искусственный интеллект» никто пока не в состоянии: все разговоры, что речь идет о «нашем настоящем, а не будущем»⁴, остаются лишь словами. Но когда речь доходит до конкретики, то выясняется, что искусственный интеллект «еще не создан», до его появления «должно пройти немало времени», для чего потребуется «кропотливая работа инженеров-программистов»⁵ и т. п. Мы не собираемся спорить по данному поводу и увлеченно рассуждать о том, сколько времени (10, 50 или 500 лет) понадобится для «очеловечивания» машины, одновременно ставя задачи «инженерам-программистам», которым юристы в целом и процессуалисты в частности вряд ли чем-то могут помочь. Для нас данное измерение «искусственного интеллекта» является футурологическим в сугубо методологическом смысле, поскольку существует лишь в прогнозах (т. е. в будущем времени), к тому же чаще всего исходящих от специалистов в совершенно другой области, в чьей компетентности в плане опытов по «скрещиванию» человеческого мозга и компьютерной программы можно усомниться. Во всяком случае производство судебной экспертизы по данной проблеме мы им вряд ли бы доверили, поскольку никакими специальными познаниями по ней они не обладают.

Итак, все футурологические аспекты проблемы «искусственного интеллекта» мы отвергаем *методологически*, после чего он полностью становится равен ЭВМ или компьютерной программе, пусть и, если кому-то угодно, с сугубо количественной приставкой «супер» (мощной, качественной, современной и т. п.).

Во-вторых, во всех приводимых примерах реальной возможности применения программирования в правосудии, следственной деятельности, уголовном процессе четко прослеживаются два аспекта: а) непроцессуальный и

² См.: Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами. С. 32.

³ Лаптев В. А. Указ. соч. С. 10.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 11.

б) процессуальный, причем с явным перевесом в пользу первого. Непроцессуальным иллюстрациям успешного применения программной техники, которую авторы сообразно своему вкусу иногда скрывают за эффектной аббревиатурой *AI* (*artificial intelligence*, т. е. в русском просторечии все тот же «искусственный интеллект»), в правосудии несть числа: это и цифровое протоколирование, и распределение дел между судьями, и выдача цифровых исполнительных листов⁶, и многое другое. Специалисты по следственной деятельности дополняют данный список прорывными технологиями по «составлению графиков отпусков следователей и руководителей, формированию заявок в ведомственные вузы на определенное количество выпускников»⁷ и т. п. Мы можем добавить к этому, например, новейшие возможности руководителей следственных органов вызывать своих подчиненных не только через нарочных или по банальному служебному телефону, но и с помощью «цифровых технологий» (по электронной почте, посредством мессенджеров и т. п.). Возможности «искусственных интеллектов» (сиречь компьютерных программ) в этом смысле действительно впечатляют.

Вопрос в другом: какое все это имеет процессуальное значение? Например, аудиозапись хода судебного заседания (если говорить об упомянутом «цифровом протоколировании») останется для нас аудиозаписью независимо от того, выполнена она на катушечном магнитофоне образца 1960-х гг. или на современном цифровом записывающем устройстве. В процессуальном смысле важно, вправе ли стороны судебного разбирательства прослушать ее при подаче жалобы и в каких пределах, обязан или нет воспроизводить ее суд апелляционной или кассационной инстанции и т. д. Но причем здесь носитель? Он, конечно, важен, но не правоведам, а, скажем так, «завхозам», закупающим для судов соответствующую технику, выясняющим их цену, думающим, где размещать эту технику в зале суда и т. п. Встроенное в компьютер записывающее устройство во многих аспектах, конечно, удобнее громоздкого катушечного магнитофона. Но если мы будем увлеченно подменять юридические проблемы хозяйственными, то о праве в стране можно будет забыть со всеми вытекающими последствиями.

Поэтому непроцессуальные аспекты применения в деятельности судебных и следственных органов компьютерной техники, программирования и прочего «искусственного интеллекта» мы также методологически оставляем в стороне. Они важны исключительно для «функции делопроизводства», как справедливо отмечают апологеты английских аббревиатур (*AI* и т. п.)⁸. Но судопроизводство и делопроизводство – это далеко не одно и то же. Подменять первое вторым недопустимо.

Если отбросить две методологически лишние линии анализа (футурологическую и непроцессуальную), оставаясь в строгом русле уголовно-процессуальной материи, то вопрос об «искусственном интеллекте» в правосудии и в более широком плане в уголовном судопроизводстве сводится к проблеме допустимости применения при оценке доказательств и принятии уголов-

⁶ См.: Там же.

⁷ Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами. С. 32.

⁸ См.: Лаптев В. А. Указ. соч. С. 10.

но-процессуальных решений, включая приговор, компьютерных программных алгоритмов, т. е. программирования. В каком-то смысле речь вновь идет о формализации оценки доказательств, когда она осуществляется по заранее обозначенным программным алгоритмам (только на этот раз автоматизированным с учетом современных кибернетических технологий), а не по внутреннему убеждению судьи. Формализованное вновь противопоставляется личностному, как и несколько столетий назад (в эпоху расцвета теории формальных доказательств), с той лишь разницей, что теперь формализация технологически реализуется посредством конструирования не законодательных норм (законодательные алгоритмы), а автоматизированных компьютерных программ (программные алгоритмы).

И здесь ситуация абсолютно идентична той, с которой профессор М. С. Строгович столкнулся примерно полвека назад – на волне бурного расцвета кибернетики. По сути, речь идет о реинкарнации не только старых процессуальных теорий наподобие теории формальных доказательств (в долгосрочной исторической ретроспективе), но и много более новых научных дискуссий (в среднесрочной исторической ретроспективе), которые бурно велись в 1960-е – начале 1970-х гг., поскольку именно тогда создание программ ЭВМ по оценке доказательств, индивидуализации наказаний и т. п., т. е. осуществлению «машинного правосудия», перестало представлять какую-либо технологическую сложность. Иначе говоря, проблема уже тогда являлась *правовой*, а не технологической – технологические возможности программирования ни у кого сомнений не вызывали, причем в плоскости не футурологической, а реальной. Так что нынешние «инновационные рассуждения» в точности копируют в сугубо научном смысле (о других смыслах поговорим далее) позиции советских радикальных кибернетиков-инноваторов 1960-х гг. (включая юристов), современником которых был М. С. Строгович. Ничего нового в них нет, о чем сторонники «искусственного интеллекта» почему-то предпочитают не упоминать.

Поражают совпадения даже в деталях. Так, сегодня известна прогрессистски-компромиссная точка зрения, отвергающая возможность полной передачи функции правосудия машине, но допускающая так называемое «предсказательное правосудие», когда компьютерная программа лишь помогает человеку-судье, прогнозируя исход уголовных дел, составляя проекты уголовно-процессуальных решений⁹ и т. п. Точно такой же подход отмечал в свое время и М. С. Строгович: *«Есть и более умеренная точка зрения: выводы электронно-вычислительной машины о виновности и ответственности должны рассматриваться в качестве рекомендации, консультации, а окончательное решение принадлежит судьям в соответствии с их внутренним убеждением»*¹⁰. И здесь ничего нового.

Существовала в ту эпоху и футурология, также почти полностью идентичная футурологии нынешней. На нее М. С. Строгович также обращал внимание: *«Некоторые авторы, возражая против <...> использования электронно-вы-*

⁹ См. об этом в критическом ключе: Коновалов С. Г. Дискуссии о «цифровизации» производства по уголовному делу // Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Изд. 3-е. М., 2021. С. 98.

¹⁰ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. М., 1974. С. 112–113.

числительной машины в следственной и судебной деятельности, считают, что этого нельзя делать сейчас, так как кибернетика еще не достигла необходимого уровня развития, но **в будущем** (здесь и далее выделено нами. – Л. Г.) можно ожидать, что машина окажется способна решать вопрос о виновности и ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступления»¹¹. Прошло около пятидесяти лет, будущее наступило, М. С. Строговича с нами уже нет, машина по-прежнему осталась машиной со всеми своими несовершенствами и недостатками, но мы вновь ждем «светлого будущего», когда появятся абсолютно идеальные компьютерные программы, да еще и наделенные человеческими свойствами, достойные гордого словосочетания «искусственный интеллект». Видимо, страсть к футурологии неистребима, разве что пятьдесят лет назад она была все-таки немного более рациональна и менее оторвана от реальности.

Итак, методологически и сущностно дискуссия времен М. С. Строговича ничем не отличается от нынешней, включая даже нюансы и «компромиссные» варианты. Немного изменилась разве что терминология, когда вместо ЭВМ («машин») и даже более поздних «компьютеров» и «программ» говорят уже об «искусственном интеллекте», а наиболее продвинутые авторы щеголяют заменой скучноватого, видимо, в их глазах русского (или иногда обрусевшего) технологического языка «инновационными» английскими аббревиатурами (AI и т. п.). Но для процессуальной сути обсуждаемых проблем все эти терминологические модификации, интересные, быть может, в других ракурсах (символическом, маркетинговом и т. п.)¹², значения, разумеется, не имеют. Речь идет не более чем о новой волне или, используя ранее употребленное выражение, реинкарнации старых теорий и, следовательно, старых дискуссий.

Поэтому позиция М. С. Строговича абсолютно актуальна, в ней не устарело и не могло устареть ничего, поскольку она акцессорна по отношению к выдвигавшимся тезисам и предлагавшимся концепциям (является ответом на них). И если данные тезисы и концепции пятьдесят лет спустя выдвигаются вновь, пусть и под другим словесным «брендом» («искусственный интеллект»), то устареть способны лишь они сами, а не совершенно корректная научная реакция на них полувековой давности со стороны выдающегося процессуалиста. Самостоятельно вступить в новую волну дискуссии он уже по понятным причинам не может. Но мы можем воспроизвести его аргументы тем, кто сегодня старается о них не вспоминать.

Какова же была позиция М. С. Строговича по поводу возможности и допустимости использования кибернетических (программных) алгоритмов в процессуальной судебной и следственной деятельности? Была она жесткой и бескомпромиссной, резюмируясь в самом общем виде в двух важнейших высказываниях.

В одном из них М. С. Строгович однозначно отверг «кибернетический взгляд» на оценку доказательств, назвав это не техническим, а **этическим** вопросом: «<...>применение научно-технических средств не должно вно-

¹¹ Там же. С. 113.

¹² К ним мы еще кратко вернемся.

суть в судопроизводство механизацию тех процессов исследования доказательств, которые требуют строго индивидуального подхода, выявления и учета всего своеобразия и всех особенностей каждого дела. Стремление внести **шаблон и трафарет** в расследование и разрешение дела **должно быть исключено**, какими бы соображениями оно не аргументировалось»¹³.

Другими словами, нельзя возвращаться к мрачным временам полной формализации доказывания (пусть и с претензией на новый «технологический виток»), так как ни следователь, ни судья ни при каких условиях не вправе, разведя руками, сказать обвиняемому, что дескать он по-человечески верит в его невиновность, похоже, обвиняемый говорит правду, но, увы, «машина выдала такой алгоритм», поэтому придется несчастному отбыть наказание, допустим, в виде 5, 10 или 15 лет лишения свободы. Такое следствие и такое правосудие не только абсурдны, но и полностью аморальны.

И далее еще одна важная, быть может центральная, мысль М. С. Строговича: во всех утверждениях, что «"прямое использование математических методов оценки судебных доказательств невозможно и нецелесообразно во всяком случае теперь и в обозримом будущем", и поэтому невозможно применение счетно-вычислительных машин непосредственно для оценки доказательств», «вызывает возражение только оговорка о невозможности применения таких приемов лишь в настоящее время или в "обозримом будущем" – такие способы **невозможны вообще** (выделено М. С. Строговичем. – Л. Г.), принципиально, методологически»¹⁴ и, безусловно, этически, так как мы уже выяснили, что для М. С. Строговича это прежде всего этический вопрос.

Добавим от себя, что невозможны они еще и *политически*, поскольку общество никогда не примет априорной несправедливости, даже под флагом «инноваций» и «искусственного интеллекта». Поэтому любая власть, отправляющая людей в места лишения свободы на основании «алгоритмов», рано или поздно теряет в глазах населения какую-либо легитимность со всеми вытекающими из этого не всегда приятными и не сразу уловимыми последствиями. Политическое измерение уголовного судопроизводства, олицетворяющего образ власти в глазах общества при применении самых жестких форм юридической ответственности, также никогда нельзя сбрасывать со счета.

Актуальность мыслей и выводов М. С. Строговича сомнений не вызывает. Как мы уже отметили, в научно-техническом и уголовно-процессуальном смыслах не изменилось ничего. Но в более широком плане отличия все-таки есть. Связаны они с общим политико-экономическим контекстом, в котором вел свою полемику М. С. Строгович, и тем контекстом, в котором находимся мы. Контекст действительно стал иным, на что также нельзя не обратить внимание.

Профессор М. С. Строгович жил и работал в условиях «холодной войны», когда не было никакой глобализации. Он вел свой диалог исключительно с конкретным государством, которое обладало полнотой власти решать, ка-

¹³ Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича. С. 110.

¹⁴ Там же. С. 114–115.

ким должно быть уголовное судопроизводство на его территории. По сути, М. С. Строгович обращался к нему и только к нему, доказывая нецелесообразность и опасность «алгоритмизации» уголовного правосудия. Государство устыжало авторитетного процессуалиста. Советские опыты (которые, к слову, очень активно велись на самом высоком научном уровне, никак не уступающем уровню нынешнему) по внедрению ЭВМ в оценку доказательств, назначение наказания и т. п. фактически прекратились. Государство обратилось к человеку, после чего начались прямо противоположные процессы: гуманизации, индивидуализации, защиты прав личности и т. п. О механизации правосудия и «алгоритмах» надолго забыли – М. С. Строгович свою полемику выиграл.

Сегодня мы живем в эпоху «экономической глобализации» с ее всеохватным маркетингом, когда регулирующая роль государства заметно снизилась. Поэтому у любой якобы сугубо научной идеи всегда имеется «экономическое дно». Оно просматривается, на первый взгляд, даже в лишенном смысла терминологическом «ребрендинге», когда ЭВМ становится «компьютерной программой», а последняя превращается в «искусственный интеллект». Научного смысла здесь действительно нет – кибернетика остается кибернетикой. Но маркетинговый смысл очевиден, он как раз есть, поскольку за любым «переименованием» стоят крупные экономические (чаще всего транснациональные) игроки, для которых новый термин – это новый бренд, т. е. новый товар, для удачного продвижения которого необходима «мода» как явление, как правило, иррациональное, понижающее способность критического восприятия реальной потребности в соответствующем товаре, затуманивающее разницу между научным открытием и чисто коммерческим «ребрендингом». Кроме того, для глобальных экономических акторов нет лучшего клиента, чем государство, и лучшего рынка, чем сфера государственных закупок, в том числе для нужд уголовного судопроизводства. В результате давление в рамках полемики об «искусственном интеллекте» становится неизмеримо сильнее и назойливее, так как ощущается со всех сторон по «сетевому принципу», причем глобально. Мы это на своем локальном уровне видим в рамках российской юридической науки на примере бесчисленных типовых и очень похожих друг на друга статей об «искусственном интеллекте», чьи авторы, разумеется, не имеют никакого отношения к стоящим за новым брендом экономическим интересам, став всего лишь своеобразной жертвой очередной волны глобальной «моды», с виртуозным мастерством разогнанной специалистами по маркетингу.

Ясно также, что это еще более подчеркивает и усиливает *этическую ничтожность* разнообразных теорий о компьютерной «алгоритмизации» правосудия (под каким бы новым «брендом» они не выдвигались), поскольку ценности правосудия не должны становиться заложником агрессивного маркетинга и чьих-то экономических интересов. Никакой новый (или псевдоновый) «экономический уклад» не может служить оправданием несправедливого осуждения человека по обвинению в преступлении и назначения ему не соответствующего содеянному наказания.

В целом, с одной стороны, мы оказались сегодня в чем-то даже в более сложной ситуации, чем М. С. Строгович полвека назад, поскольку с агрессивным экономическим маркетингом он не сталкивался. Нужды противостоять

такому маркетингу и восстанавливать «смыслы» у него не было. М. С. Строгович вел свою полемику в сугубо научном пространстве, прямо или косвенно апеллируя лишь к политическому здравому смыслу властей. С другой стороны, нам много проще потому, что в рамках новой волны попыток «программирования» правосудия мы можем уже опираться на безупречную аргументацию М. С. Строговича, на опыт предыдущей дискуссии, из которой он вышел бесспорным победителем. И этот опыт сейчас бесценен.

Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

***Головко Л. В.**, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора*

Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University

***Golovko L. V.**, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal
Process, Justice and Prosecutor's Supervision Centre
E-mail: leonidgolovko@gmail.com*

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Раскрывается ряд проблем, связанных с цифровизацией уголовного процесса. Возможности позитивной трансформации судопроизводства по уголовным делам несут одновременно и определенные риски. Определенная часть этих рисков требует определения этических принципов использования информационных технологий в уголовном процессе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, пандемия COVID-19, суд, цифровые технологии, этические принципы цифровизации.

ETHICAL ASPECTS OF DIGITALIZATION OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE

The article reveals several problems associated with the digitalization of the criminal process. Opportunities for a positive transformation of criminal proceedings also carry certain risks. A certain part of these risks requires definition of ethical principles for the use of information technology in criminal proceedings.

К e y w o r d s: criminal process, COVID-19 pandemic, court, digital technologies, ethical principles of digitalization.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

В последнее десятилетие в уголовное судопроизводство активно проникают достижения цифровой революции. Значительные преобразования различных сторон жизни общества не могут не затрагивать сферу правовых отношений и в определенной степени воздействуют на деятельность, так или иначе связанную с расследованием и рассмотрением уголовных дел. Первоначально цифровизация была направлена на решение задач, которые лежали не собственно в плоскости уголовного процесса, а скорее были связаны с оптимизацией правоохранительной и судебной деятельности в целом и отдельных направлений, обозначенных на государственном уровне в качестве приоритетных, в частности. Многие государства активно внедряли современные технологии в деятельность судов, добиваясь повышения открытости и доступности правосудия для граждан.

В то же время характер уголовно-процессуальных отношений, значительный консерватизм уголовного процесса практически в любом государстве тормозят «цифровую революцию» в этом виде судопроизводства и вызывают оживленную дискуссию как среди ученых, так и практиков. Устойчивость сложившихся моделей уголовного судопроизводства в сочетании с консерватизмом правоприменителя и нерешенными техническими проблемами, безусловно, не оставляют шанса для экстремальных революционных преобразований. По этой причине государства выбирают поэтапный эволюционный путь

цифровой трансформации уголовного процесса, нередко обозначая срок таких преобразований в среднесрочной перспективе на пять-десять лет.

Пандемия COVID-19 с вводимыми повсеместно ограничениями на свободную социальную коммуникацию стала тем катализатором, который заставил более активно решать старые и новые проблемы судопроизводства с использованием информационных технологий. Однако отсутствие надлежащей правовой регламентации механизма их использования в уголовном процессе стало сдерживающим фактором. С одной стороны, техническая оснащённость публичных субъектов уголовного судопроизводства возрастает, а с другой – решенные организационные и технические проблемы автоматически не устраняют риски, связанные с нарушением прав и интересов участников процесса при использовании современных технологий. Чаще всего на уровне законодательства недостаточно урегулированы (или не урегулированы вообще) вопросы производства дистанционных допросов, использования систем электронного мониторинга, отдельных программных продуктов для видеокommunikации, особенности использования доказательственной информации в цифровой форме и др. Это негативно сказывается на реализации прав участниками процесса.

Безусловно, что цифровизация уголовного судопроизводства имеет определенный потенциал для оптимизации современного уголовного процесса. Более того, недостаточная адаптированность уголовного процесса к новым социальным реалиям рано или поздно скажется на механизме разрешения уголовно-правового конфликта.

Но цифровизация уголовно-процессуальных отношений несет и определенные риски. Чаще всего высоко оценивают риски несанкционированного доступа к материалам уголовного дела и утраты значимой информации, хранящейся в цифровой форме. Однако определенные опасения вызывают и риски, связанные с разработкой и соблюдением определенных этических стандартов использования современных технологий в уголовном судопроизводстве. Нельзя не согласиться с авторами, справедливо отмечающими, что «развитие цифровых технологий в уголовном процессе, где конституционные права человека ограничиваются наиболее жестко, должно сопровождаться созданием надежных средств минимизации рисков, сопряженных с цифровизацией и с учетом особого характера уголовно-процессуальной деятельности, в ходе которой решаются не только информационные, но и нравственные задачи»¹.

Обсуждение этических рисков представляется важным именно сейчас, когда еще не начался активный законотворческий процесс, результатом которого должна стать обновленная нормативная база для дальнейшей цифровой трансформации уголовного процесса. Более того, в условиях отсутствия соответствующей нормативной базы многие аспекты цифровизации судопроизводства неизбежно переходят в плоскость этических допущений. Очевидно, что обществу желательно избежать ситуации, когда используемая в уголовном

¹ Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3. С. 29.

процессе технология будет законной, но по сути своей будет плохо соотноситься с устоявшимися нравственными установками и ценностями. Этот момент может стать препятствием для эффективного использования достижений цифровизации в соответствии в теми целевыми установками, которые закрепляются через назначение уголовного судопроизводства.

В настоящее время наметились несколько направлений цифровой трансформации уголовного процесса, среди которых в качестве более реалистичных, получивших достаточную разработку, выделяются следующие: 1) использование цифровых технологий в раскрытии и расследовании преступлений, установлении лиц, причастных к их совершению, прогнозировании совершения преступлений; 2) цифровая трансформация доказывания и доказательственной деятельности по уголовному делу; 3) внедрение технологий, позволяющих совершать процессуальные действия дистанционно и оптимизировать «рутинные» процедуры, связанные с формированием «бумажного» уголовного дела; 4) использование искусственного интеллекта при принятии процессуальных решений, в первую очередь судебных.

Зарубежные исследователи проблем цифровизации уголовного процесса обращают внимание на то, что «использование систем искусственного интеллекта в отношении уголовных дел создает особые проблемы, поскольку их применение может отражать некоторые текущие общественные дебаты о предполагаемой предсказуемости преступного поведения»².

Развитие любого из этих направлений не только открывает для уголовного процесса какие-то новые возможности в плане повышения эффективности расследования и рассмотрения уголовных дел, но и неизбежно создает риски этического характера, которые желательно заранее прогнозировать и минимизировать. Остановимся кратко лишь на некоторых из них.

В первую очередь, в зоне риска будут находиться персональные данные участников уголовного процесса, социальная информация, затрагивающая их. Переход на электронный формат уголовного дела рано или поздно потребует определения принципов работы с большими данными, а значит, и этических параметров, границ их использования в уголовном процессе. В частности, речь может идти о персонифицированных данных участника, доступ к информации о которых законодателем не ограничен. Так, принятые в настоящее время параметры обезличивания информации в размещаемых в открытом доступе судебных решениях вызывают ряд вопросов. Легальная процедура обезличивания (анонимизации) персональных данных не исключает возможности идентификации личности через ряд косвенных параметров и признаков. При этом такой риск существенно возрастает в условиях рассмотрения судом уголовного дела в городе, поселке с небольшим числом жителей.

Переход к электронному формату уголовного дела приведет к сбору и обработке больших данных, содержащих значительный объем персональной информации. В связи с этим возникает риск не только несанкционированного

² Антинуччи М. Этическая хартия ЕС по использованию технологий искусственного интеллекта в судебной системе и законодательство, регулирующее блокчейн, как «Троянский конь» борьбы с контрафакцией в глобальной перспективе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 2. С. 39.

доступа к ней третьих лиц, в том числе преследующих противоправные цели, но и несанкционированной передачи данных тем компаниям, которые на законных основаниях используют такие данные для контекстной рекламы и прочих способов продвижения товаров и услуг. Может возникнуть ситуация, когда, например, свидетель по уголовному делу начнет получать рассылку с персонифицированными предложениями товаров и услуг. В период пандемии правоприменительная практика столкнулась с необходимостью экстренного использования в числе прочего и мессенджеров для получения показаний от лица, которое в силу введенных противоэпидемических ограничений не может дать лично, в том числе и с использованием системы видео-конференц-связи³. Но большинство современных IT-компаний постоянно ведет сбор информации о пользователях мобильных устройств, в том числе через анализ интеллектуальными системами звуковых сообщений. Закономерно встает вопрос о возможности использования мессенджеров в тех условиях, когда содержание показаний свидетеля может стать доступным не только для суда или следователя, но и для иных лиц, тем более что такая информация может аккумулироваться и использоваться и в дальней перспективе.

Безусловно, что аккумулирование большого объема процессуально значимой информации по уголовному делу в цифровой форме может обеспечить и процессуальную экономию, и более разумные сроки судопроизводства, и более эффективное взаимодействие суда с иными участниками процесса. Однако такие технологии требуют системы дополнительных гарантий прав и свобод участников процесса, в первую очередь разработки механизмов защиты персональных данных. Пока не понятен ни механизм получения согласия на обработку персональных данных в уголовном процессе, ни механизм защиты от утечки этих данных, ни срок их хранения и возможности отзыва такого согласия. К сожалению, технологии развиваются так стремительно, что на практике оказывается невозможно обеспечить удаление персональной информации из систем больших данных, даже по прошествии нескольких лет. С такой проблемой уже столкнулись европейские государства, которые активно на конвенциональном уровне пытаются определить подходы, охраняющие граждан от избыточного сбора и использования их персональной информации. С целью защиты персональных данных были приняты: в 1981 г. Конвенция Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, обновленная в настоящее время; в 2018 г. Генеральный регламент о защите персональных данных (GDPR). В том же 2018 г. Европейская комиссия по эффективности правосудия приняла этическую хартию использования искусственного интеллекта в судебной системе (CEPEJ)⁴, которая закрепила основные принципы использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия. К таким принципам были отнесены: уважение прав человека при использовании искусственного интеллекта, предотвращение

³ См.: *Андреева О. И., Качалова О. В.* Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса : вызовы времени // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Право. 2020. № 36. С. 5–15.

⁴ European ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>

дискриминации в любом ее виде, обеспечение качества и безопасности технологий, прозрачность и беспристрастность обработки данных, предполагающая внешний контроль за этим процессом, информированное участие лица в использовании технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе.

Что касается современных, в том числе и российских реалий, открытым остается вопрос о социальной дискриминации граждан в зависимости от различного уровня их цифровой грамотности при вовлечении в сферу уголовного судопроизводства. Целые группы, которые в современном международном праве часто называют когнитивно уязвимыми участниками процесса (несовершеннолетние, пожилые лица, инвалиды и т. д.), могут столкнуться с ситуациями, когда применяемая технология затруднит реализацию ими процессуальных прав. При этом важно учитывать и уровень цифровой компетентности правоприменителя, поскольку от понимания следователем или судьей определенных процессов и закономерностей, связанных с использованием технологий будут зависеть и сроки расследования и рассмотрения дела, и реализация участниками фундаментальных прав. Хотя технология видео-конференц-связи легализована в российском уголовном судопроизводстве достаточно давно, но лаконичность и несистемность ее правового регулирования порождают на практике целый ряд вопросов, например о допустимости производства с ее использованием несовершеннолетних или лиц с психическими расстройствами⁵.

Поэтому активному внедрению современных технологий в российский уголовный процесс должна предшествовать разработка не только правовых, но и этических стандартов цифровизации, что позволит хотя бы частично снизить соответствующие риски для участников уголовного судопроизводства и обеспечит его качественно позитивное развитие.

⁵ См.: *Марковичева Е. В.* Использование видео-конференц-связи в российском уголовном процессе // Российское правосудие. 2019. № 7. С. 88–93.

Российский государственный университет правосудия
Марковичева Е. В., доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Научного центра исследования
проблем правосудия

Russian State University of Justice
Markovicheva E. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Principal Research Scientist at Justice Research Center
E-mail: markovicheva@yandex.ru

ЦИФРОВОЕ ПРАВОСУДИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Поднимается вопрос перспектив внедрения цифрового правосудия. Отмечается необходимость исследования и оценки этической стороны использования искусственного интеллекта в судопроизводстве при вынесении судебных решений. Отмечена необходимость разработки принципов цифрового правосудия, главной задачей которых должно стать обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина в судопроизводстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровое правосудие, искусственный интеллект, судопроизводство, принципы судопроизводства, нравственность, киберэтика.

DIGITAL JUSTICE AND PROSPECTS FOR PRESERVING THE JUDICIAL PROCEEDINGS MORAL BASIS

The article raises the question of the prospects for digital justice implementation. It is noted that it is necessary to study and evaluate the ethical side of artificial intelligence use in court proceedings when making court decisions. There was noted the need to develop the digital justice principles, the main objective of which should be to ensure human and civil rights and freedoms protection in legal proceedings.

K e y w o r d s: digital justice, AI (artificial intelligence), judicial proceedings, principles of judicial proceedings, morality, cyberethics.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Нравственные основы судопроизводства – тема, которая остается в центре внимания на протяжении многих десятилетий. Без соблюдения нравственных основ не может быть правосудия. В связи с развитием цифрового правосудия возникает вполне правомерный вопрос – как будут соотноситься нравственные основы судопроизводства и цифровое правосудие?

Существующие в мире системы использования искусственного интеллекта уже позволяют не только анализировать дело, но и прогнозировать его исход и даже предлагать и выносить судебное решение. Все больше стран используют элементы электронного правосудия и искусственный интеллект для рассмотрения не сложных дел.

Искусственный интеллект – не только вспомогательный инструмент, но и инструмент, способный осуществлять правосудие. В Китае, например, электронный суд осуществляет свои полномочия через систему мессенджеров, которая работает 24 часа в сутки и 7 дней в неделю; в Бразилии судья выезжает на место происшествия и здесь же, получив ответы на не сложные вопросы по существу дела, выносит решение. Судебная процедура в среднем занимает от 10 до 20 минут, на месте решается вопрос о назначении наказания, а иногда и его исполнении. Использование роботов-судей, которым поручено рассмотрение незначительных гражданских дел, успешно внедряется в Эстонии.

Порядок производства основан на процедуре, очень схожей и используемой при отправлении правосудия в Китае: стороны загружают юридические документы в систему, после чего искусственный интеллект исследует их и выносит судебный акт. Если истец или ответчик не согласен с состоявшимся судебным решением, законодатель предоставляет возможность восстановить баланс интересов сторон процесса. Стороны вправе обжаловать данное решение. Рефери по таким категориям дел будет уже не искусственный интеллект, а судья-человек. В Эстонии цифровизация судопроизводства осуществляется быстрыми темпами, высокие технологии широко внедряются в судопроизводство.

В научных исследованиях выделяется несколько основных целей использования искусственного интеллекта в системе правосудия. Первая цель, которая озвучивается большинством исследователей, – ускорить процесс производства по рассмотрению дел, чтобы время от совершения правонарушения (деликта) до исполнения наказания (восстановления права) было минимальным. Выделяется и такая цель, как снижение нагрузки на судебных работников, чтобы они могли уделить больше внимания подготовке и рассмотрению сложных дел. По существу, внедрение системы электронного правосудия направлено на рассмотрение шаблонных дел, которые укладываются в определенный алгоритм действий и принимаемых решений. Это дела, не осложненные противоречивостью и объемом доказательств, в большинстве своем – это простые и очевидные деликты. Указанная цель отмечается в качестве приоритетной в государствах, в которых успешно внедряется цифровое правосудие и в которых данный вопрос только находится в стадии обсуждения. Отмечается в литературе также и удобство использования систем цифрового правосудия для участников процесса, которым не нужно тратить время на посещение суда. В литературе встречается и обсуждается еще одна цель – сделать правосудие предсказуемым или прогнозируемым, исключить предвзятость и коррупционные риски.

Расширение цифровых технологий открывает новые перспективы для построения эффективной реализации судебной власти. Анализ норм процессуального законодательства зарубежных стран позволяет отметить, что при подобной форме судопроизводства процесс рассмотрения дела упрощается и в то же время формализуется, становясь дежурным. Например, исключаются такая важная для очного рассмотрения дела регламентированная процедура, как вставание участников судебного разбирательства при входе судьи в зал судебного заседания в знак уважения к судье как представителю органа судебной власти, и некоторые другие ритуальные действия.

Беспокойство в данном случае вызывает этическая сторона вынесения решения искусственным интеллектом – судьей-роботом. Проблем использования искусственного интеллекта при вынесении любого судебного решения, на которые указывают исследователи, достаточно много. Среди них выделяются необходимость соблюдения прав участников судопроизводства и возможность их соблюдения при использовании искусственного интеллекта в судопроизводстве, этическая составляющая процессуальной деятельности и многие другие аспекты. Проблема не ограничивается только этими вопросами, которые необходимо будет решить при использовании искусственного ин-

теллекта в судопроизводстве. Речь идет и о защите персональных данных, и о возможности верификации личности участников судопроизводства, и многие другие вопросы.

Безусловно, нельзя не применять новые информационные технологии в судебной деятельности. Данные технологии существенно упрощают деятельность суда по обработке информации, ее получению, фиксации судебного процесса и могут быть использованы при отправлении правосудия. Этого требует развитие общества, развитие новых технологий, необходимость решения текущих технических вопросов.

Многие исследователи среди положительных моментов внедрения искусственного интеллекта отмечают возможность его применения при рассмотрении стандартных, алгоритмичных дел, где доказательства не опровергаются сторонами, где выносится стандартное решение, где дело не представляет сложности, но требует правового разрешения ситуации. Все это способно существенно разгрузить судебную систему и упростить процедуру разрешения дела.

Другие исследователи выражают опасения относительно внедрения цифровизации в процесс вынесения судебных решений. В частности, указывается на такую опасность, как искажение социального предназначения судебной власти¹.

Они высказывают также опасение относительно влияния на итоговое решение, вынесенное искусственным интеллектом данных, которые будут закладываться разработчиками системы искусственного интеллекта для нужд правосудия. В связи с этим исследователи отмечают, что в основе выводов цифровой обработки в итоге будут находиться те данные, которые заложены его разработчиками, соответственно, и их видение алгоритма принятия решения и собственного толкования норм права. Стремление нивелировать субъективизм и судейское усмотрение при осуществлении правосудия приведет к тому, что в основе принятия решений будут те же качества, но уже не судей с определенными процессуальными гарантиями, обеспечивающими пределы судейского усмотрения, а самих авторов программ с отсутствием подобных гарантий. Принцип самостоятельности судебной власти будет окрашен действием тех структур, которые смогут повлиять на указанные программы и их авторов². Рассуждая по этому поводу, Л. В. Головкин указывает, что «правосудие не может осуществлять свою конституционную миссию, будучи сведенным к чисто техническому инструменту и полностью объективизированным. Ему также необходимо другое измерение – символическое и субъективное, в котором доверие и сдержанность общества превалирует над статистикой, социологическими подходами и экономическими иллюзиями»³.

¹ См.: *Попова И. П.* Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2019. № 4 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-sudebnoy-vlasti-v-usloviyah-tsifrovizatsii-sudoproizvodstva> (дата обращения: 06.08.2021).

² См.: Там же.

³ *Головкин Л. В.* Судья легитимирующий и напоминание о реальности // Суд и государство / под ред. Л. В. Головкин, Б. Матьё. М., 2018. С. 49.

Это как раз тот аспект, который связан с такой тонкой гранью, как этика, нравственность и мораль при рассмотрении и разрешении по существу дел. Дискуссия о нравственности и безнравственности искусственного интеллекта является достаточно острой на страницах как зарубежной, так и российской науки.

Развитию этой дискуссии способствует и принятая Европейской комиссией по эффективности правосудия «Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях».

В Хартии отмечается необходимость определения четкой цели и полного соответствия основным правам, заложенным в Европейской конвенции по правам человека и Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, в процессе обработки судебных решений, где эти личные данные присутствуют.

Использование в процессе разрешения дела по существу искусственного интеллекта не должны быть препятствием по осуществлению основополагающих прав, заложенных в Конвенциях – право на доступ к правосудию, право на справедливое судебное разбирательство, состязательность сторон, верховенства права и независимости судей и др. Полагаем, что построение системы цифрового правосудия необходимо начинать с этической стороны его реализации, где во главу угла будут ставиться права человека и их соблюдение.

Однако, как указано в Хартии, внедрение искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство должно осуществляться очень осторожно. В уголовном судопроизводстве использование возможностей искусственного интеллекта может быть исключительно с развитием дополнительных гарантий справедливого судебного разбирательства, нравственно-этических принципов реализации цифровых технологий.

Несмотря на критические замечания, следует отметить, что Хартией сформированы принципы осуществления правосудия с использованием искусственного интеллекта. Среди этих принципов следует выделить следующие: уважение основополагающих прав, недискриминация, качество и безопасность, прозрачность, беспристрастность и достоверность, контроль пользователем.

Каждый из представленных принципов раскрывается достаточно подробно в Хартии, что позволяет определить основные направления формирования и использования системы искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Приведем небольшую характеристику каждого из принципов, чтобы иметь общее представление о них.

Сущность принципа уважения основополагающих прав определяется обеспечением разработки и внедрения инструментов, которые основаны на искусственном интеллекте. Эти инструменты должны соответствовать основным правам и свободам человека и гражданина, заложенным в Европейской конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина, Международном пакте о гражданских и политических правах и других основополагающих международных актах.

Принцип недискриминации тесным образом связан с принципом равенства, так как определяя его сущность в Хартии, указывается, что он должен рассматриваться в качестве барьера для дискриминации в любой ее форме

проявления. Этот принцип исключает дискриминацию в любом ее проявлении при отправлении правосудия в электронном формате. Равенство прав участников процесса также должно стать неотъемлемым принципом реализации цифрового правосудия.

Реализация принципа качества и безопасности основана на использовании только сертифицированных источников. Это становится очень важным, когда речь идет о сохранении персональных данных, конфиденциальных сведений и тайн участников процесса. Данный принцип рассматривается в качестве барьера для несанкционированного получения таких сведений и несанкционированного допуска в систему.

Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности направлен на формирование системы методов обработки данных, которые могут быть использованы цифровым правосудием. Цель реализации данного принципа – сделать указанные методы доступными и понятными.

Принцип контроля пользователем позволит обеспечить пользователя информацией о системе цифрового правосудия, который может самостоятельно принять ответственное решение относительно порядка рассмотрения дела.

Представленные в Хартии принципы пока являются единственными принципами, определяющими порядок использования цифровых технологий в судопроизводстве. Это достаточно специфическая группа принципов, которые несколько отличаются от привычных нам принципов судопроизводства. Несмотря на это, проанализированные принципы цифрового правосудия, как и привычные нам, направлены на соблюдение прав и свобод человека и гражданина при отправлении правосудия, но только в цифровом формате. Они имеют свои особенности, учитывающие те или иные аспекты цифровизации правосудия.

Поэтому прежде чем говорить о внедрении искусственного интеллекта в разрешении дел и использовать его при отправлении правосудия, следует подойти к разработке основополагающих принципов отправления правосудия с использованием искусственного интеллекта, поскольку принципы, предложенные в Хартии, отражают лишь общие положения и достаточно обобщены. Между тем следует отметить, что для различных форм судопроизводства существуют как общие нравственные принципы, которые нашли свое отражение в Хартии, так и частные нравственные принципы, которые не были учтены Хартией.

В качестве примера можно привести принципы уголовного судопроизводства, которые в современных реалиях несут важную нравственную составляющую. В частности, в принципе свободы оценки доказательств заложены глубокие нравственные корни, поскольку речь идет об использовании при оценке доказательств внутреннего убеждения, основанного на законе и совести. Они направлены на поддержание нравственных основ всего процесса отправления правосудия по уголовным делам и как его итог – законный, обоснованный и мотивированный приговор.

Перспективы электронного правосудия остаются не за горами. В связи с этим актуальным является вопрос, как будут реализовываться нравственные принципы уголовного судопроизводства в процессе использования искус-

ственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, в том числе и принцип свободы оценки доказательств?

Учитывая эти проблемы, внедрение искусственного интеллекта в судебную систему РФ требует оценки потенциальных рисков, которые необходимо начать выявлять и решать уже сегодня. Одним из таких рисков является возможность сохранения нравственной, воспитательной составляющих в процессе отправления правосудия по уголовным делам при использовании искусственного интеллекта, а также реализации таких принципов, которые заложены в конвенциях, Конституции РФ и Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Это – право на справедливое судебное разбирательство, равенство участников уголовного судопроизводства, беспристрастность и независимость суда; право на уважение частной и семейной жизни и др. Нельзя забывать и о возможной манипуляции, которая не исключена, если недобросовестный пользователь может получить доступ к базам данных и, воспользовавшись этим, сможет манипулировать системой по своему усмотрению. В связи с этим возникает необходимость разработки правил киберэтики, которые учитывали бы и ряд особенностей отдельных форм судопроизводства, в частности уголовного.

Таким образом, в настоящее время хотя перспективы внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство все еще остаются весьма призрачными, тем не менее это дело недалекого будущего. Технологии столь стремительно развиваются, что можно с уверенностью сказать, что через несколько лет искусственный интеллект в судопроизводстве станет его неотъемлемой частью. Поэтому необходимо уже сейчас рассматривать вопрос о формировании этических принципов отправления правосудия с участием искусственного интеллекта с учетом положений конвенций и Европейской хартии, Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ.

*Оренбургский государственный университет
Волосова Н. Ю., доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права*

*Orenburg State University
Volosova N. Yu., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Criminal Law Department
E-mail: vasilij_vasiliev@rambler.ru*

ЭТИКА СУДЬИ В ВЕК ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматривается вопрос о влиянии новых цифровых веяний на представления о судейской этике. Автор приходит к выводу о необходимости в недалеком будущем внесения дополнений в Кодекс судейской этики, касающихся поведения судьи в общественном и рабочем информационном пространстве с учетом новых реалий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судейская этика, статус судей, цифровизация правосудия, информационные технологии в праве.

THE ETHICS OF A JUDGE IN THE AGE OF INFORMATION TECHNOLOGY

The article discusses the impact of new digital trends on conception of judicial ethics. The author concludes that the Code of Judicial Ethics needs to be updated soon. New rules will affect the behavior of a judge in the working and public information space.

К е у w o r d s: judicial ethics, the status of judges, digitalization of justice, information technology in law.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Правосудие есть древнейшая форма организации взаимодействия человека с государством. Эта особая социально значимая сфера на разных этапах исторического развития претерпевала существенные изменения. Смена общественного строя, государственного устройства, правовые преобразования неизбежно влекут реформы в сфере правосудия.

Начало XXI в. ознаменовано эпохальными переменами, связанными с всемирным внедрением новейших информационных технологий. По замечанию некоторых авторов, вследствие существенного повышения значимости цифровых технологий для общества «начинает меняться сама природа государства и права в этой информационной среде»¹. Прогрессивная дальновидность замечается в высказываниях о том, что в скором будущем нас ждет «новый тип общественных отношений, новое государство»².

В современных условиях подобные мнения уже не представляются потрясающими воображение. Вместе с тем медленно, но верно автоматизированные процессы, онлайн-сервисы и иные информационные новшества становятся частью повседневной деятельности органов судебной власти.

¹ Трансформация права в цифровую эпоху / под ред. А. А. Васильева. Барнаул, 2020. С. 10.

² Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 132.

Так, Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» начала функционировать в масштабах всей страны в 2007 г.³, а СМС-оповещение участников уголовного процесса о необходимости явки в суд стало обычным явлением в 2013–2015 гг.⁴, в указанный период также была регламентирована возможность сообщения потерпевшим адреса электронной почты для обеспечения более эффективной связи с ним (ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ)⁵.

Кроме того, относительно недавно в российской системе правосудия появилась возможность проведения судебных заседаний посредством использования видео-конференц-связи (ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241, ст. 278.1, ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13, ч. 2 ст. 399 УПК РФ), а также стала законодательно возможной трансляция открытого судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ч. 5 ст. 241 УПК РФ).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в стадии реализации находится автоматизация и информатизация деятельности судов, где, в частности, одним из направлений выступает оснащение всех судов оборудованием скрытого допроса свидетелей и потерпевших без возможности их визуального наблюдения⁶.

В то время как отдельные информационно-технологические элементы постепенно проникают в сферу судопроизводственную, судьи беспрестанно осуществляют государственно важную и общественно необходимую функцию отправления правосудия. При этом сфера этическая (в разрезе цифровых нововведений) в потоке текущих дел порой не получает должного внимания.

Позитивный аспект видится в том, что этичность поведения судьи напрямую связана с его индивидуальным моральным сознанием, высоким уровнем общей и правовой культуры, целостностью личности, чувством собственного достоинства, природной интеллигентностью, что, в свою очередь, оберегает судейский корпус от вереницы нравственных промахов в малоуправляемой информационной среде.

Вместе с тем сфера судейской этики все же подвержена изменениям и волнениям ввиду активизации цифровой составляющей в правовой среде. В этом явлении усматривается аналогия с принципом домино, и в данном случае технологические реформации порождают изменения не только в праве, но и в этике, несмотря на присущую ей стабильность.

Без сомнения, есть базовые нравственные начала деятельности судей. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г., утвержденный VIII Всероссийским

³ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://techportal.sudrf.ru/?id=234> (дата обращения: 29.08.2021).

⁴ Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁶ Информатизация деятельности судов // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=224> (дата обращения: 29.08.2021).

съездом судей⁷, построен по принципу сохранения традиционных нравственных ценностей при осуществлении судьями профессиональных обязанностей, а также во внеслужебной деятельности.

Поистине сложно представить требования к моральному облику судьи, не согласованные с общечеловеческими нравственными принципами и не имеющие в своей основе объективности и беспристрастности, независимости и справедливости⁸.

Однако в современных информационно-технологических условиях этические вызовы судьям выглядят более приземленно. Так, неразборчивость в виртуальных контактах может стать причиной наложения на судью дисциплинарного взыскания, а за размещенные в публичном информационном пространстве фото или видео тривиального и двусмысленного характера страж правосудия может поплатиться своей высокой должностью и судебской карьерой.

Назидательным примером для служителей Фемиды может стать случай, произошедший с заместителем председателя Первомайского районного суда г. Ижевска Республики Удмуртия, которую связывали, по меньшей мере, виртуальные дружеские отношения с представителем ответчика по делу о взыскании займа. Свидетельством тому стали отметки «нравится» под публикациями участника процесса и комментарии к ним в социальной сети «Facebook», которые оставляла судья. Усомнившись в беспристрастности и объективности вершительницы правосудия, ответчик заявил ей отвод, но ходатайство об отводе судьей было отклонено. Лишь после проверки председателем суда действий коммуникабельной судьи последняя взяла самоотвод. Однако избежать дисциплинарной ответственности в виде предупреждения ей не удалось⁹.

Примером неподобающего поведения судьи является и случай, произошедший с судьей из Краснодарского края, которая опрометчиво разместила свое фото с ногами на столе в зале судебных заседаний, оставив под ним нескромный комментарий. Один из участников процесса, в котором председательствовала судья, равнодушная к фотопозированию, счел оскорбительным и недопустимым подобный акт виртуального самопредставления судьи и приложил фривольные фото к кассационной жалобе. У вышестоящей инстанции не возникло вопросов к профессионализму коллеги, вместе с тем квалификационная коллегия судей заинтересовалась снимками из зала судебных заседаний. Несмотря на доводы судьи о праве на неприкосновенное личное пространство, было принято решение о досрочном прекращении ее полномочий¹⁰. Увы, это далеко не единственный пример грубой неосмотрительности

⁷ Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утвержден VIII Всероссийским съездом судей). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Kodeks/Pages/default.aspx> (дата обращения: 26.08.2021).

⁸ См.: *Кокорев Л. Д.* Кодекс чести... для судьи // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2007. С. 276.

⁹ См.: ВККС собрала самые интересные дела о дисциплинарной ответственности судей на 21.12.2017 // ПравоRU. URL: <https://pravo.ru/review/view/146799/> (дата обращения: 27.08.2021).

¹⁰ См.: Судья попала на «мыльницу» // Рос. газета. URL: <https://rg.ru/2014/09/03/uvolnenie.html> (дата обращения: 28.08.2021).

при публикации личных данных в социальных сетях, приведший к дисциплинарной ответственности с летальным для судебной карьеры исходом¹¹.

При этом людям в мантиях, которые в глазах общественности предстают как олицетворение судебной власти и эталон высоконравственного поведения, осторожность следует проявлять не только при выражении симпатии отдельным публикациям в сети «Интернет» в виде лайков, не только при публикации фото и видео, пополнении списка друзей и подписок на бескрайних просторах социальных сетей, но и создавая имя пользователя (ник) для блога, оставляя комментарии к своим и чужим публикациям. Во всяком случае судье следует помнить о том, что, заявляя о себе в открытом информационном поле:

– остается нестираемый цифровой след, а любое высказывание в сети приравнивается к публичному выражению собственной позиции;

– размещенная информация может стать заметной для коллег, подчиненных, а также действующих или потенциальных участников процесса, в которых судья может быть задействован; при этом увидевшая свет информация может быть использована заинтересованными лицами отнюдь не во благо виртуального пользователя высокого статуса;

– иметь и вести аккаунты в социальных сетях, оставлять комментарии на форумах и в виртуальных сообществах, отправлять сообщения в групповых чатах судьям не запрещено, но при этом всегда следует помнить о соблюдении этических норм и о горьких, нередко постыдных примерах дисциплинарных проступков своих коллег.

Главное, что способно уберечь судью от бесславных поступков с цифровым подтекстом, это высокий уровень личностной культуры и нравственного сознания, а также осмысление единства судебной системы и значимости статуса судьи в этой системе, осознание своей принадлежности к судебскому сообществу, выступающему гарантом осуществления независимой судебной власти.

Если неоднозначная публикация и смелый комментарий рядового интернет-пользователя, вероятнее всего, останутся незамеченными, безнаказанными, то такого же характера публикация, исходящая от судьи, вполне может стать его последней публикацией в этой должности.

Именно поэтому судье следует быть предельно щепетильным в вопросах самоподачи в виртуальном пространстве, равно как и в рабочей обстановке, в общественных местах, в быту.

По достоинству оценивая важность этических аспектов уголовно-процессуальной деятельности, И. А. Насонова выделяет важные гарантии соблюдения нравственных начал профессиональными участниками судопроизводства, определяя их как необходимость соблюдения правил внешней культуры поведения, действующих в тандеме с внутренней культурой человека¹².

Следует понимать, что судье нужно не просто перманентно держать в голове мысль о морально-этической стороне любого из своих поступков, анали-

¹¹ См.: В Краснодаре уволили судью Елену Переверзеву после ее тоста в свою честь «за супертелочку» // Полит.ру. URL: <https://polit.ru/news/2020/05/15/pereverzeva/> (дата обращения: 29.08.2021).

¹² См.: Насонова И. А. О роли нравственных начал в деятельности участников уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 53.

зировать на предмет соответствия этическим нормам планируемые высказывания, действия. Гораздо важнее то, что нравственное поведение должно быть (стать) естественным для судьи, неотъемлемой частью его личности. В этом случае не возникнет никаких сложностей с соблюдением элементарных, в сущности, этических правил.

Впрочем, необходимо помнить, что в технологически развитом обществе практически у каждого человека есть возможность сделать фото или видео, в том числе в самый неудобный для запечатлеваемого лица момент. Это явно не учел судья Ногинского городского суда Московской области, продремавший весь судебный процесс и обретший после этого популярность со знаком минус¹³. Квалификационной коллегии судей еще предстоит разобраться с этой оказией, а коллегам в мантиях следует взять это происшествие на заметку, чтобы не допустить подобного в своей профессиональной деятельности.

Вероятно, проанализировав очевидно меняющийся характер дисциплинарных проступков, допускаемых судьями, на фоне участвовавших случаев неоднозначного с этических позиций поведения судей в информационно-цифровом пространстве, 14 апреля 2016 г. Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей»¹⁴.

Указанное постановление не содержит прямого указания на особенности поведения судьи в технически новых информационных условиях, при этом имеет важнейшую оговорку о том, что досрочное прекращение полномочий судьи возможно при совершении судьей однократного грубого нарушения при исполнении им служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, которое дискредитирует судебную власть, причиняет ущерб репутации судьи и несовместимо с его статусом судьи.

Подобная формулировка является универсальной, в то же время содержит очень точное описание негативных последствий для престижа статуса судьи и авторитета судебной власти, которые могут наступить в результате аморального поступка судьи.

Не игнорируя важности актуальных проблем в сфере правосудия, требующих разрешения в этико-правовом поле, представители судейского сообщества в рамках конференций, круглых столов высказывают свое видение поведенческого аспекта деятельности судей в столь изменившемся мире¹⁵. Сам факт организации мероприятий такого рода, с одной стороны, свидетельствует

¹³ См.: В Подмоскovie судья уснул на процессе по миллиардному иску // Известия. URL: <https://iz.ru/1210576/2021-08-21/v-podmoskove-sudia-usnul-na-protcesse-po-milliardnomu-isku> (дата обращения: 28.08.2021).

¹⁴ Рос. газета. URL: <https://rg.ru/2016/04/27/sud-dok.html> (дата обращения: 27.08.2021).

¹⁵ См., например: Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная власть в современном обществе». 23 октября 2020 г. URL: <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/39437> (дата обращения: 01.09.2021) ; Глава дисциплинарной коллегии ВС рассказал о судейской дружбе, лайках и фото в соцсетях. 02.11.2020. URL: <https://legal.report/glava-disciplinarnoj-kollegii-vs-rasskazal-o-sudejskoj-druzhbe-lajkah-i-foto-v-socsetyah/> (дата обращения: 01.09.2021) ; Информационно-коммуникационные технологии в правосудии. Заседание клуба им. Д. Н. Замятнина. 26.05.2021. URL: <https://www.zamyatnin.club/ru/zasedaniya/zasedanie-no12> (дата обращения: 01.09.2021).

о значимости указанных проблем для судебского сообщества, а с другой – говорит о признании судьями существования некоторых трудностей в сфере судебской этики в связи с наступлением новой информационной эпохи.

При этом, по словам Председателя Совета судей РФ судьи Верховного Суда РФ Виктора Момотова, принятие жесткого регламента поведения судьи в цифровом пространстве не планируется¹⁶. Вместе с тем думается, что новые этико-правовые реалии рано или поздно вынудят судебский корпус внести дополнения в Кодекс судебской этики в части изложения правил поведения судьи с учетом условий информационно обновленного социума. Не исключено, что базовые этические нормы о надлежащем поведении судьи в цифровом пространстве в будущем могут найти свое отражение и в законодательстве о статусе судей в РФ.

Не случайно С. В. Корнакова заостряет внимание на необходимости формального закрепления требований к поведению судьи: если «общество предъявляет к моральному облику судьи жесткие требования, облик судьи должен быть определен и согласован в официальном документе»¹⁷.

Вместе с тем определенно можно говорить, что наличие или отсутствие формального закрепления этических норм не связано с внутренним миром судьи, его ценностными ориентациями и нравственным обликом. В прежних или новых условиях для судьи важно оставаться духовно цельным человеком, сохраняя, развивая, преумножая в себе наилучшие гуманистические характеристики. Наряду с этим на судьях лежит особая ответственность: в любых обстоятельствах сохранять выдержку, здравый рассудок, демонстрировать профессионализм и оставаться при этом в этическом поле.

¹⁶ Судья должен осмотрительно добавлять друзей в соцсетях – ВС. Практика Верховного Суда РФ. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20180605/282912751.html (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁷ Корнакова С. В. Основания профессиональной этики судьи // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2013. № 1 (4). С. 66.

Байкальский государственный университет
Миронова Е. Ю., аспирант кафедры уголовного процесса

Baikal State University
Mironova E. Yu., Post-graduate Student of the
Criminal Process Department
E-mail: zpu2013@yandex.ru

А. С. Александров

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭТИЧНОСТЬ ОЧНОЙ СТАВКИ И ПЕРЕКРЕСТНОГО ДОПРОСА

Неэтичность перекрестного допроса в следственной уголовно-процессуальной среде действительна. Но разумность и справедливость очной ставки в контексте состязательности не менее сомнительны. Каждое из этих следственных действий этичны в свете определенного этоса, идеологии, правовой доктрины, законодательства. Очная ставка – это разновидность следственного допроса, а перекрестный допрос – это вторая часть судебного допроса. Попытки отождествления очной ставки и перекрестного допроса некорректны. Они – свидетельство низкой правовой культуры. Перекрестный допрос заменит очную ставку и станет элементом состязательной технологии формирования личных доказательств тогда, когда русское уголовное судопроизводство приблизится к европейскому стандарту состязательного – справедливого судебного разбирательства по уголовным делам.

К л ю ч е в ы е с л о в а: очная ставка, перекрестный допрос, этос, этика, доказывание, личное доказательство.

COMPARATIVE ETHICS OF CONFRONTATION AND CROSS-EXAMINATION

The unethical nature of cross-examination in an investigative criminal procedural environment is valid. But the rationality and fairness of a confrontation in the context of adversariality are no less dubious. Each of these investigative actions is ethical in the light of a certain ethos, ideology, legal doctrine, legislation. Face-to-face confrontation is a form of interrogation, and cross-examination is the second part of a forensic examination. Attempts to identify confrontation with cross-examination are incorrect. They are evidence of a low legal culture. Cross-examination will replace face-to-face confrontation and become an element of adversarial technology for the formation of personal evidence when Russian criminal justice approaches the European standard of adversarial - fair trial in criminal cases.

К е у в о р д s: confrontation, cross-examination, ethos, ethics, proof, personal proof.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи.
Крестоцеловальная запись Василия Шуйского

Невосприимчивость господствующей правовой доктрины к перекрестному допросу, избегание самого этого термина в официальных документах не случайны. Власти чужда техника формирования личных доказательств, основанная на состязательности.

Есть основание думать, что неприятие состязательного происходит на уровне коллективного бессознательного, на уровне того *кода*, который зало-

жен в наш кодекс и правовую культуру. А значит, уместно ставить вопрос об этической стороне перекрестного допроса: может, его принятию мешают, как говорят теперь, «духовные скрепы», т. е. этические причины? Ведь этика – это как бы глубинный слой позитивно-правового – «правильного». И может быть, перекрестный допрос «плохой» в этом самом глубоком – *этичном* смысле?

Отметим сразу одну трудность. Рассуждая на тему об этичности, автору самому трудно оставаться нейтральным, быть вне этики, допускать правоту другого, а именно того, чего нет не только в законе, но и в законопроектах, а значит, сомнительного в этическом отношении.

Хотелось бы сохранить свободу этического выбора, без этого предполагаемый анализ не произвести. Освобождает, на наш взгляд, такой ход, как признание *приоритета* софистики над этикой. Это так в историческом отношении: первая как учение о правильном ведении речи и речевом поведении возникла *раньше* (софистский прием) – в период становления афинской демократии.

Позиционируя (на время) себя софистом, а потому и свободным от какого-либо рода этических скреп, и даже, если угодно быть вне-этичным, предложим свою версию «этичности» перекрестного допроса в сравнении с другим способом формирования личного доказательства, который часто сравнивают с ним – очной ставкой. Полагаем, именно это сравнение позволит наиболее ярко и выпукло увидеть всю разницу в правовых культурах, которые стоят за каждым из них¹.

Тем самым прояснятся (хотя бы отчасти) причины, по которым перекрестный допрос, несмотря на споры, которые ведутся со времен Великой судебной реформы 1864 г., так и не стал частью русского позитивного права и идеологически правильного научного дискурса. В то же время в других государствах, которые изменили русской правовой традиции, например Украине, Эстонии, Казахстане и других – стал. Это задача максимум. Задача минимум состоит в том, чтобы объяснить, почему очная ставка, вопреки расхожему мнению², не может считаться равнозначной заменой перекрестному допросу, почему **нельзя их отождествлять**.

¹ Примечательно, что в русском переводе 6-й поправки к Конституции США говорится об очной ставке как одной из гарантий права обвиняемого на защиту от показаний свидетелей обвинения (см.: Шестая поправка к Конституции США / Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0_%D0%BA_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%A1%D0%A8%D0%90%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE_%D0%BD%D0%B0_%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%83%D1%8E_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D1%83). Между тем в англоязычном варианте Википедии, т. е. оригинальном источнике знания о шестой поправке, относительно Confrontation Clause говорится только о перекрестном допросе (см.: «Sixth Amendment to the United States Constitution. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Sixth_Amendment_to_the_United_States_Constitution). В американском юридическом языке вообще нет такого термина, как «очная ставка», в котором для русского ума есть вполне родные смысловые – следственные коннотации.

² См., например: Сычёва О. А. Очная ставка в суде возможна и ее регламентация необходима // Вопросы юриспруденции : история, теория, современность : материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. Краснодар, 2012. С. 485–491 ; Николаева Т. П. Деятельность защитника на судебном следствии. Саратов, 1987. С. 73.

Для софиста как оратора, стремящегося убедить аудиторию, значение имеет не этика, а «этос» (от др.-греч. *ethos* – обычай, нрав, характер) и еще два фактора, характеризующих отношение оратора с аудиторией: пафос и логос (речь)³.

При этом общепризнано, что *этика является производным понятием от этоса*⁴. В этом наш главный (риторический) ход в пользу утверждения об условности этического, а потому и освобождения от этических ограничений в рассуждениях.

С термином «этос» связано множество значений⁵. Наиболее распространенными в философии и социологии являются трактовки этоса как «формы организации и трансляции смысловых содержаний этнической культуры»⁶, «совокупности усвоенных моральных правил и норм»⁷, «этносоциальный опыт»⁸. Здесь происходит материализация-социализация понятия этоса, нагрузка термина смыслами современной науки. Подобная трактовка «этоса» для нашего предприятия не вполне подходит. *Мы ограничимся понятием «этос» в контексте риторики*. И это третий ход по изобретению мысли.

В риторике, изобретенной софистами еще до философии и этики, этос – это система ожиданий аудитории, ее предуготовленность согласиться со сказанным оратором в публичном собрании. И потому это та доминанта, с которой обязан считаться ритор, рассчитывающий на успех своей речи перед данной аудиторией. Хотя в другой аудитории этос речи может быть другим.

Изобретение мысли и речи ориентировано на этос. По Аристотелю, этос ораторской речи состоит в ее адекватности намерениям и идеям оратора⁹. Этос характеризует целенаправленность ораторской речи в данной аудитории. «Этос – условные рамки возможного, пафос – содержание намерения в условных рамках»¹⁰.

В риторическом, можно сказать и в *прагматическом*, отношении этическая речь – речь уместная в данной аудитории, сообразная ее убеждениям и предубеждениям, т. е. ее опыту (речевому, конечно).

Таков «риторический» ход к раскрытию темы и одновременно довод в пользу освобождения (без лишнего пафоса) от *современных* «этических скреп» рассуждения о ней.

³ См.: *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М., 1997. С. 191, 259.

⁴ См.: Этос // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М., 2001. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/1682/etos.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵ В Википедии отмечается, что это понятие «с неустойчивым терминологическим статусом» (см.: Этос. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%82%D0%BE%D1%81> (дата обращения: 20.09.2021)).

⁶ *Чернявская Ю. В.* Этос и габитус как формы организации и трансляции смысловых содержаний этнической культуры : к проблеме преемственности и развития. URL: <http://do.endocs.ru/docs/index-325632.html> (дата обращения: 20.09.2021).

⁷ URL: <http://slovari.yandex.ru/search.xml?text> (дата обращения: 20.09.2021).

⁸ *Рязанов А. В.* Этос как этносоциальный опыт // Известия Саратовского ун-та. 2008. Т. 8. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 54–58.

⁹ См.: Аристотель. Риторика. М., 2017.

¹⁰ *Рождественский Ю. В.* Указ. соч. С. 259.

Итак, этос и этика в свете риторики, созданной софистами, позднее развитых и переосмысленных «философами», «этиками» и социологами, хотя и объективны, но не более как *параметры речевой ситуации* или *публичной речи* – модели коммуникации.

Это нисколько не умаляет, а, напротив, возвышает *риторическую трактовку этического*, ведь, как известно, общество есть *речевое сообщество* и принятые в ней модели речевой коммуникации составляют его структуру. Их нельзя игнорировать, но нельзя и сакрализировать, т. е. придавать им неизменный характер («духовных», «православных» и пр.). Они консервативны, но поддаются эволюции, как любой человеческий опыт¹¹, который с накоплением в нем меры «критического» меняется. И нам, русским, как заметил Президент России В. Путин, необходимо оценить опыт двукратного распада в XX в. российской государственности, чтобы не допустить третьего¹². Язык остается, но речь, речевые модели меняются, а значит, изменчивы этические, а тем более – правовые стандарты, с которыми люди подходят к оценке правильного/неправильного. Этос относителен.

В связи с этим следует сказать о взаимосвязи этоса/этики с властью и идеологией. Власть нельзя быть безнравственной, она всегда позиционирует себя этической. Этична власть и ее действия – политика, которые соотносятся этосу, т. е. этно-социальному опыту нации, воплощенному в ее ожиданиях от властей. Неэтичен закон, который идет вопреки традиции, накопленному в культуре опыту правового развития. Любая существенная законодательная новелла (вспомним споры, связанные с появлением института досудебного соглашения о сотрудничестве) оспаривается с позиции этики. Но то, что было сомнительным в период обсуждения законопроекта, становится этическим в виде позитивного права. Власть и закон насильно снимают сомнения в этичности правового явления и вводят его в плоскость правовой идеологии – доктрины. Хотя в демократическом государстве всегда есть дискуссия на этот счет.

Теперь о российской власти – в ретроспективе. Надо честно признать, что начиная с московского периода и поныне – это автократия в различных ее модификациях: от тоталитарной (Иван Грозный – Сталин) до «вегетарианской» – современной. Принципиальная черта у нее одна – публичная речь адресована персонифицированной «аудитории», т. е. одному властно-уполномоченному лицу (следователю, другому «начальнику»), а в конечном итоге ее адресатом выступает «верховный правитель»: царь, президент (название не имеет значения). При демократии, напротив, аудитория, которой адресована публичная (судебная) речь – коллективная: народ (демос). Отсюда и две этики, две идеологии, две системы координат правильного/неправильного.

Если брать такую разновидность публичной речи, как судебно-уголовная (уголовное судопроизводство), то в следственном процессе адресатом публичной речи является следователь, затем (в письменном пересказе следователя) –

¹¹ Этос в отличие от «физиса» в представлениях античных философов изменчив (см.: Этос. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D1%82%D0%BE%D1%81> (дата обращения: 20.09.2021).

¹² См.: Путин В. В. Выступление на встрече со школьниками 1 сентября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66554> (дата обращения: 20.09.2021).

судья (назначенный президентом). В состязательном уголовном судопроизводстве адресат публичной речи – это *присяжные заседатели*, а в их лице – общество. Характер аудитории – адресата публичной речи определяет этический критерий.

В следственном уголовном процессе – атрибутивно-правовой (по Петражицкому) принадлежности авторитарной власти – все речевые практики по получению и обмену информацией (технологии доказывания) ориентированы на должностное лицо правоохранительного органа, уполномоченного принимать императивно-властное решение по делу. Хотя власть институализируется в формально различных инстанциях: следователе, прокуроре, судье – все они производны от верховной власти. Это бюрократическая машина (в нашей трактовке «диспозитив»)¹³ производства *процедурного знания*. Технология выработки процедурного знания и принятия решений в следственной системе максимально формализована и централизована. Суд присяжных в авторитарном государстве – экзотика, баловство. Будучи встроен в следственную систему, суд (присяжных) зависим от следственной речи, результаты которой представляются государственным обвинителем в виде протоколов и иных письменных документов. Участники судебного следствия не самостоятельны в формировании личных доказательств на судебном следствии, информационной основой которого является уголовное дело, созданное следователем¹⁴.

Официальная правовая идеология оправдывает такое положение. Идеология в нашем понимании – это артикулированный, т. е. осмысленный и изложенный юридическим языком в понятиях (идеологемах), этический опыт или иначе – система ценностей. Идеология поддерживается властью и другими авторитетными институтами (церковь, наука). Она является риторической апологией действующего закона и существующего правопорядка. Именно на уровне идеологии (в науке) некое явление маркируется как хорошее (свое) или плохое (чуждое).

Существует связь между этикой, властью и идеологией. В авторитарном государстве этика и идеология находятся под централизованным управлением. Гражданское общество минимально (номинально) причастно к ним. Оно не самостоятельно, не может конкурировать с официальной властью, не имеет экспертов, институций для формирования своей позиции. Сейчас почти нет науки как самостоятельного, независимого от официальной позиции (доктрины), альтернативного экспертного знания¹⁵.

В авторитарном государстве господствующая следственная уголовно-процессуальная технология доказывания этична. Она вместе с соответ-

¹³ См. подробнее: Александров А. С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. А. В. Полякова. СПб., 2009. С. 473–497.

¹⁴ Забегая вперед, можем сказать, что показателем зависимости судебного следствия от предварительного и является отсутствие техники перекрестного допроса в современном российском суде (присяжных).

¹⁵ См. подробнее: Александров А. С., Александрова И. А. Юридическая наука в России: «академическая» и «полицейская» // Юридическая наука, образование и практика: актуальные вопросы: сб. науч. статей. Н. Новгород, 2018. Вып. 10. С. 8–23.

ствующей идеологией укрепляет в общественном мнении представление, что только существующая правовая – уголовно-процессуальная – система является хорошей, а все остальные системы и их принадлежности – плохие. Соответственно получается, что перекрестный допрос как чуждое (англосаксонское) явление неэтично, непригоден для использования в нашем следственном уголовном процессе. И пока доверие населения к власти высоко, проекты, идеологически чуждые следственному этосу, встречают солидарное неприятие.

Таков расклад в речевой ситуации, в которой автору надлежит сделать очередную безнадежную попытку убедить читателя в пользе для отечественной судебной речи, для уголовно-процессуального права перекрестного допроса. Этих попыток уже было немало¹⁶, но этос добрых россиян (как и положено) устойчив.

В очередной попытке мы делаем акцент на сравнении очной ставки и перекрестного допроса. В надежде показать свободному уму этичность последнего, пусть это и противоречит господствующей – следственной – идеологии и этосу русской нации. Но уже есть аудитория, расположенная к состязательной идеологии и, надеемся, готовая согласиться с нами.

Начнем с того, что, как следует из вышесказанного, русские не имеют иного правового опыта, кроме как сформированного в условиях автократии. Это авторитарно-следственный этос. Этичными презюмируются следственная технология производства истинного процедурного знания и следственные действия, входящие в эту технологию, включая следственный допрос.

Очная ставка, как следует из смысла главы 26 УПК РФ, – разновидность следственного допроса. На нее распространяются общие правила ведения следственного допроса (ст. 189 УПК РФ), которые определяют следственную технологию формирования личного доказательства: постановку вопросов допрашиваемому, составление протокола и пр.

Единоличным субъектом проведения очной ставки является следователь. Адвокат свидетеля, защитник, представитель, законный представитель того или иного из допрашиваемых если и участвует, то определяет ведение очной ставки. Это следственное действие, как и остальные, является для него инструментом следствия, которое презюмируется (этосом) как «всесторонне полное и объективное». Следователь использует очную ставку как средство достижения цели следствия по своему усмотрению. Для формирования личных доказательств он *вправе* согласно ч. 1 ст. 192 УПК РФ проводить очную ставку при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных в ходе предварительного расследования лиц, т. е. это следственная задача для следователя. Он определяет факт *противоречия*, трактовку ответственности этого противоречия, т. е. наличие *основания* для ее проведения.

¹⁶ См.: Александров А. С., Гришин С. П. Перекрестный допрос : учеб.-практ. пособие. М., 2005 ; *Их же*. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). М., 2007 ; Александров А. С., Гришин С. П., Конева С. И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). 3-е изд., доп. М., 2014 ; Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А. С. Александров [и др.]. М., 2015.

Мнение защиты по этим вопросам для него обязательно в той мере, которая заложена в смысл ч. 2.2 ст. 281 УПК РФ. Таким образом, очная ставка находится в распоряжении следователя, он формулирует цель и задачи этого следственного действия, его предмет, тактику. Хотя у адвоката может быть свой план, который он может реализовать в ходе очной ставки. Но в тактическом плане приоритет все равно у следователя: он управляет речью, проводит процедуру очной ставки, в том числе ставит первый вопрос тому лицу, чьи показания считает достоверными, и тем самым первоначально определяет предмет показаний. Представить себе следователя в роли независимого судьи, а тем более защитника затруднительно. На очной ставке следователь первому задает вопрос свидетелю, который дает показания, подтверждающие версию обвинения, предлагает свидетелю обвинения дать показания в той части, которая, на его взгляд, противоречит показаниям другого участника очной ставки (обвиняемого). Исключения из этой схемы возможны, но законом подобная ситуация не урегулирована, а следственная логика подталкивает «хозяина» следствия и процессуального менеджера очной ставки (следователя) именно к такой речевой модели. Защита находится в ней и при отсутствии «арбитра» вынуждена обращаться за разрешением к тому же следователю для реализации своего замысла в виде постановки вопросов.

Следственная тактика, исходящая из общих условий предварительного расследования (отсутствие аудитории, суда), определяет манеру, искусство ведения очной ставки. Этика, идеология очной ставки следственная. Это господство следственной власти в формировании личных доказательств. Ее этика в абсолютизации власти, противостоящей человеку. И только в виде исключения очная ставка может выступить средством защиты обвиняемого от личных обвинительных доказательств. Но это никак не может считаться проявлением равенства сторон в доказывании. Досудебное доказывание в следственной форме априори не может быть деятельностью равных сторон. Хотя бы потому, что постановка вопросов, составление протокола очной ставки (поэтому и подведение ее итогов) находится во власти следователя.

Как представляется, любому честному человеку очевидно неравенство сторон обвинения и защиты при очной ставке, а следовательно, несправедливость ее.

С момента появления в русском уголовном процессе очная ставка была инструментом сыска – следственно-судебной власти Московского государства. Никакого отношения к состязательному суду, который был ранее по Русской Правде, очная ставка не имеет. Изначально очная ставка вводилась в наше право как средство изобличения (предполагаемого виновного) в распоряжении следователя, ищущего истины, лица (обвиняемого) в даче ложных показаний: она была составной частью «ропроса» – следственного допроса¹⁷. Тем самым в технологию производства истинного знания и этику очной ставки заложена презумпция того, что обвиняемый, которого следователь ставит на оч-

¹⁷ См.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1990. С. 332–342, 357–369; *Тельберг Г. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 20–24, 190–195 и др.

ную ставку, лжец. Очная ставка избличает, а не просто снимает противоречия в показаниях. Из практики известно, что случаи переворота на очной ставке (в пользу защиты) – исключительны¹⁸.

С 2016 г. очную ставку нагрузили дополнительной задачей – гарантировать обвиняемому право защититься от даваемых против него показаний (вместе с тем лишить его права на перекрестный допрос в суде). Эта задача идет вопреки первоначальному назначению очной ставки и поэтому не может изменить ее исконную – следственную – природу.

Совершенно иное в идеологическом, этическом отношениях, а также тактическом/стилевом представляет собой перекрестный допрос. Он является порождением суда присяжных, состязательной технологии формирования личных доказательств.

Перекрестный допрос – это судебный допрос, его вторая часть, следующая за прямым допросом лица в суде. Его аудитория – суд, присяжные заседатели, все, кто присутствует в зале суда. Следственная тактика и эстетика здесь не уместны.

Ведет перекрестный допрос не председательствующий судья, а защитник или гособвинитель, представитель одной из состязующихся сторон. В нем воплощено равенство сторон в доказывании, а значит, равенство перед судом государственного обвинителя и подсудимого/защитника. Идеология перекрестного допроса состязательная: судья пассивен, стороны активны в доказывании; они – субъекты доказывания. Перекрестный допрос – оружие человека, которым он борется с обвинительной властью. Скандализирует его в глазах приверженцев следственной этики то, что человек посмел на равных говорить с государством.

Весь смысл и назначение перекрестного допроса в том, чтобы свидетель обвинения, тот человек, который избличает в преступлении подсудимого, предстал перед судом, а не перед следователем. Перекрестный допрос немислим без публичности, ему нужна аудитория суда – публика.

Из этого вытекают различия в техниках – в совокупности образующих технологию того и другого: *порядок постановки вопросов* (ее определяет сам допрашивающий, а не судья), *форма вопросов*: на очной ставке наводящие вопросы недопустимы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ), а на перекрестном – это основная форма вопросов¹⁹.

Безусловно, очная ставка имеет ряд отличий от простого допроса, это своего рода исключение из тайности предварительного следствия, когда гласность в ограниченном виде допускается в виде присутствия на допросе не одного, а двух допрашиваемых лиц (и их представителей). Допускается постановка вопросов одним допрашиваемым другому (ч. 2 ст. 192 УПК РФ) – с разрешения следователя.

¹⁸ Были случаи, когда показания свидетеля, «засиленные» в ходе очной ставки, развалились в суде в ходе перекрестного допроса. Это стало большим уроком и впервые позволило усомниться в справедливости – этичности очной ставки как средства формирования показаний – личных доказательств.

¹⁹ Запрет постановки подсудимому наводящих вопросов (ч. 1 ст. 189 УПК РФ) – проявление («издержки») следственной этики.

Однако в суде у субъекта перекрестного допроса возможности в этом плане еще больше. В ходе перекрестного допроса он может обратиться с вопросом к любому из присутствующих в зале судебного заседания участников дела, а тот, в свою очередь, по предложению допрашивающего может напрямую обратиться к допрашиваемому. Тактика шахматного допроса на суде, когда одновременно допрашиваются несколько лиц, может быть реализована при перекрестном допросе. В этом плане перекрестный допрос является гораздо более гибким и эффективным способом получения информации, чем очная ставка, круг участников которой ограничен.

Так, предложить или разрешить допрашиваемому обратиться к другому допрашиваемому, снять его вопрос на очной ставке может следователь, на перекрестном допросе – тот, кто ведет его (без объяснения причин, ибо он ведет его так, как считает нужным) или сам председательствующий судья, но в таком случае он должен мотивировать свое решение, которое может быть предметом обжалования – как ограничение права на доказывание одной из сторон.

Этика очной ставки зиждется на доверии к государству и конкретно – к следователю как его институту. Этика перекрестного допроса построена на недоверии к органам предварительного расследования, прокурору и государству в целом. Он является гарантией права человека на самозащиту в народном суде (присяжных): заставить их сомневаться в обвинении, которое силится опровергнуть презумпцию невиновности.

Сравнительная этичность того и другого процессуально-правового средства зависит от этики, идеологии, которые исповедует человек. Для автора этой статьи свобода и достоинство личности имеют приоритетное значение. Поэтому перекрестный допрос для него этичнее очной ставки. Понятно, что вышеприведенные доводы не убедят в обратном сторонника следственной идеологии.

В заключение хотелось бы предостеречь от грубой методологической ошибки: *отождествления очной ставки и перекрестного допроса*. К ней подталкивают и закон (ч. 2.2 ст. 281 УПК РФ), и позиции, сформулированные судебными органами, отечественными и европейскими²⁰. В частности, имеется в виду постановление Европейского суда по делу «Задумов против Российской Федерации»²¹, из которого можно вывести подобное заключение. Единственное правовое основание для проведения перекрестного допроса в нашем суде – это ст. 6 (ч. 3) Европейской конвенции по правам человека²², которую Россия

²⁰ Sapienti sat. Специалисту хорошо известны эти постановления национальных и европейских судебных органов. Поэтому ограничимся ссылкой на наиболее свежий обзор источников по данной тематике (см.: *Гаджиев Х. И.* Справедливый судебный процесс как гарант доверия к правосудию : новые права сторон // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / Т. К. Андреева [и др.]. М., 2019. Вып. 5 : Россия и Европейская конвенция по правам человека : 20 лет вместе. С. 43–45.

²¹ По делу «Задумов против Российской Федерации (Zadumov v. Russia)» : постановление Европейского суда от 12 декабря 2017 г., жалоба № 2257/12 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2018. № 2. С. 129–132.

²² Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с «Протоколом № 1» : подписан в г. Париже

ратифицировала и адаптировала к своей следственно-правовой реальности²³.

В науке, как указывалось выше, также распространено мнение о равнозначности очной ставки и перекрестного допроса. На наш взгляд, *это совершенно не так*. Нечувствительность к различию «очной ставки» и «перекрестного допроса», которую проявляют отечественные ученые, показывает незрелость нашей науки, нашей правовой культуры в плане восприятия состязательных техник формирования процедурного знания. Что же тогда говорить о практике, о населении...

Неэтично говорить о свободе (а перекрестный допрос – это средство защиты свободного человека от обвинения государства) в несвободной стране, перед аудиторией со следственным этосом. Но этично это делать, веря в идеалы состязательности, свободы и демократии. Полагаем, что постепенно аудитория изменится, и нас объединит состязательный этос.

20 марта 1952 г., «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» : подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г., «Протоколом № 7» : подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

²³ Хотя она имеет англосаксонское происхождение, но стала уже общеевропейским правовым стандартом, на который равняются все европейские государства, с учетом своей национальной правовой специфики.

Нижегородская академия МВД России
Александров А. С., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Aleksandrov A. S., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Process Department
E-mail: anrc@rambler.ru

НРАВСТВЕННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРИОРИТЕТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА*

Исследуются проблемы установления предпосылок, влияющих на расстановку приоритетов в уголовно-процессуальной деятельности прокурора, которые во многом определяют возможности достижения баланса интересов личности и государства. По мнению автора, важнейшей детерминантой расстановки приоритетов в деятельности прокурора выступает система оценки такой деятельности, стремление к поддержанию стабильности показателей в статистической отчетности. Это негативно отражается на обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, ведет к формированию обвинительного уклона и, как следствие, негативного общественного мнения о работе органов прокуратуры и органов предварительного расследования. Изменить приоритеты в практической деятельности прокурора возможно путем расширения транспарентности уголовного судопроизводства, что позволит включить общество и граждан в осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов участников уголовного процесса и в конечном итоге способствовать достижению баланса интересов государства и личности в сфере уголовного судопроизводства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: система оценки работы органов прокуратуры, баланс интересов личности и государства, транспарентность уголовного судопроизводства.

MORAL COMPONENTS OF THE PRIORITIES OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR

The article examines the problems of establishing the prerequisites that affect the alignment of priorities in the criminal procedural activities of the prosecutor, which largely determine the possibilities of achieving a balance of interests of the individual and the state. According to the author, the most important determinant of prioritization in the activities of the prosecutor is the system for assessing such activities, the desire to maintain the stability of indicators in statistical reporting. This has a negative impact on ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, leads to the formation of an accusatory bias and, as a result, a negative public opinion about the work of the prosecution and preliminary investigation bodies. It is possible to change the priorities in the practice of the prosecutor by expanding the transparency of criminal proceedings, which will allow society and citizens to be involved in monitoring the observance of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, and, ultimately, help to achieve a balance of interests of the state and the individual in the field of criminal proceedings.

Key words: the system of assessing the work of the prosecution authorities, the balance of interests of the individual and the state, transparency of criminal proceedings.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00887.

© Манова Н. С., 2021

Развитие уголовного судопроизводства всегда определялось двумя системами ценностей – борьбой с преступностью и обеспечением прав личности. Значимость и трудности в достижении такого баланса интересов, интересов личности, общества и государства в сфере уголовного судопроизводства отмечается многими российскими и зарубежными учеными¹. Во многом это зависит от приоритетов деятельности ключевых участников уголовного процесса.

Одним из таких участников уголовного судопроизводства, призванных координировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, а также осуществлять уголовное преследование, является прокурор. Законность осуществляемого им от имени государства уголовного преследования – важнейший фактор социального и экономического благополучия государства и общества. В силу этого процессуальный статус прокурора не может определяться произвольно, без установления системы ценностей, определяющих принципы и направления его деятельности.

В последние годы российские и зарубежные ученые активно говорят об одной из значимых для всей уголовно-процессуальной деятельности прокурора проблем – внутренней противоречивости его положения², особенно ярко проявляющейся в российской правовой действительности. С одной стороны, прокурор – это «адвокат государства», главной целью деятельности которого является борьба с преступностью. В силу этого государство возлагает на прокурора координацию соответствующей деятельности правоохранительных органов, руководство уголовным преследованием лиц, совершивших преступление. С другой стороны, прокурор наделен «квазисудебными» функциями: он обеспечивает соблюдение конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Главным противоречием в таком положении прокурора является решение вопроса о том, в какой ситуации для него приоритетной должна стать защита интересов личности, а в какой – задача борьбы с преступностью, уголовное преследование подозреваемого (обвиняемого)?

В российской правовой системе деятельность прокурора четко урегулирована действующим законодательством, которое детально определяет его

¹ См.: *Bibas S.* Transparency and participation in criminal procedure. NYUL rev. 2006. № 81. P. 911 ; Retrieved from. URL: <https://www.nyulawreview.org/wp-content/uploads/2018/08/NYU-LawReview-81-3-Bibas.pdf> ; *Тумко И.* Баланс интересов как основа дифференциации уголовно-процессуальной формы // *Legea și Viața*. 2015. № 284 (8/3). С. 100–103 ; *Holder R.* Seeing the state: Human rights violations of victims of crime and abuse of power. The Routledge International Handbook of Criminology and Human Rights, edited by Leanne Weber, Elaine Fishwick and Marinella Marmo for Routledge. 2017 ; Retrieved from SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3292690> ; *Пушкарев В. В.* Презумпция баланса интересов в уголовном судопроизводстве как способ достижения его назначения // Современное уголовно-процессуальное право : уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. № 2 (1). С. 147–157.

² См.: *Fish Eric S.* Prosecutorial Constitutionalism. CA: Southern California Law Review. 2016. Retrieved from. URL: <https://ssrn.com/abstract=2643065> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2643065> ; *Bellin J.* Theories of Prosecution. State of California, CA: California Law Review. 2020 ; Retrieved from. URL: <https://ssrn.com/abstract=3347939> ; *Manova N. S., Churikova A. Yu.* Prosecutor's activity model as the most important guideline for reforming the system of criminal proceedings. SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". Kaliningrad, 2021. P. 04002.

полномочия, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. В результате реформы предварительного расследования 2007 г. прокурор оказался отстраненным от непосредственного участия в производстве предварительного следствия, потерял право возбуждать уголовные дела, давать следователю обязательные для исполнения указания о направлении расследования, отменять любые незаконные постановления следователя. Указанные полномочия были переданы руководителю следственного органа. Подобные преобразования, казалось бы, должны были оказать существенное воздействие на расстановку приоритетов в деятельности прокуроров в силу того, что большинство полномочий прокурора в досудебном производстве стало носить надзорный характер.

Однако ключевой целью деятельности прокурора осталось осуществление уголовного преследования, доказывание в суде обоснованности предъявленного следователем (дознавателем) обвинения. В силу этого прокурор по-прежнему стоит перед выбором: в интересах эффективности осуществления уголовного преследования, в интересах борьбы с преступностью оставить без внимания допущенные следователем (дознавателем) нарушения прав и законных интересов личности либо встать на защиту этих прав, возможно, в ущерб интересам государства по борьбе с преступностью.

Принципы осуществления уголовно-процессуальной деятельности (состязательность, уважение чести и достоинства личности, разумность сроков уголовного судопроизводства и т. д.) являются отражением конституционной парадигмы о том, что высшей ценностью Российского государства является человек, его права и свободы. Но при осуществлении уголовного судопроизводства правоприменители ориентируются не только и не столько на общие принципы процесса, сколько на систему оценки их деятельности, в том числе и в статистической отчетности. Более того, количественные показатели работы правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры, не всегда объективно отражают реалии правоприменительной деятельности и искусственно регулируются в зависимости от того, отнесен ли данный показатель к числу так называемых «плохих или хороших». И при включении того или иного показателя в систему оценки деятельности прокуроров последние начинают «подгонять» данные о своей деятельности, ориентируясь на значения предыдущего года.

Анализ правоприменительной практики подтверждает негативное влияние количественных показателей оценки эффективности и результативности работы следственных органов и органов прокуратуры на формирование приоритетов в деятельности прокурора. Так, одним из показателей оценки работы органов следствия и прокурора является установление лица, совершившего преступное деяние. При этом прекращение уголовных дел по реабилитирующим основаниям является негативным показателем статистической отчетности, априори свидетельствующим о том, что уголовное преследование было незаконным и необоснованным, в то время как прекращение дел по иным нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 24, 27 УПК РФ, в отношении конкретного лица расценивается в практике правоприменения как относительно нейтральный показатель, в силу того, что лицо считается уста-

новленным, а преступление раскрытым. На практике в подобных ситуациях образуется порочная схема «следователь – прокурор – следователь», при которой прокурор отменяет первоначальное постановление о прекращении дела по реабилитирующему основанию, после чего следователь спустя некоторое время выносит постановление о прекращении дела уже по нереабилитирующему основанию³.

Сегодня можно говорить о том, что детерминантами расстановки приоритетов в уголовно-процессуальной деятельности прокуроров являются ориентация на предыдущие показатели статистической отчетности и стремление поддерживать их стабильность и обеспечить высокий показатель раскрываемости преступлений.

При анкетировании прокурорских работников на вопрос – «допустимо ли отступление от требований действующего законодательства в уголовном судопроизводстве?» – большая часть респондентов (68,3 %) ответила отрицательно; 31,7 % опрошенных поставили такую возможность в зависимость от различных условий и обстоятельств (возможно, если это не затронет права и законные интересы участников уголовного процесса; если допускаемые нарушения не являются существенными; если это требуется в интересах оперативного раскрытия преступления; ради исключения волокиты по уголовному делу).

Безусловно, что исключить такую детерминанту приоритетов в уголовно-процессуальной деятельности прокуроров, как система оценки эффективности их работы, в полной мере не представляется возможным. Однако есть пути некоторого нивелирования данного обстоятельства.

Государство провозгласило борьбу с преступностью одной из своих важнейших задач. И при ее решении оно может и должно рассчитывать на помощь своих граждан. Успех противодействия преступности в глобальном смысле определяется не только эффективностью деятельности правоохранительных органов. Огромное значение имеет общественный контроль за такой деятельностью, сама возможность осуществления такого контроля, т. е. прозрачность системы уголовной юстиции. Расширение прозрачности уголовного судопроизводства и вовлечение общества в осуществление контроля за поддержанием баланса интересов личности и государства в уголовном процессе позволит, на наш взгляд, нивелировать отрицательное воздействие выявленных детерминант приоритетов в уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

Как уже отмечалось, приоритет интересов личности закреплен на законодательном уровне, но в уголовном судопроизводстве нередко предпочтение отдается именно публичным интересам. Ведомственная статистика свидетельствует также о том, что правоохранительные органы, включая прокуроров, фактически возглавляющих уголовное преследование, интересуется не столько защита прав участников процесса, в том числе лиц, пострадавших от преступления, сколько раскрытие самого преступления⁴. Негативной стороной та-

³ См.: Чурикова А. Ю., Степанов С. А. Схема прикрытия нарушений при отмене постановлений о прекращении уголовных дел // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 82–87.

⁴ См.: Воскобитова Л. А. От идеологии ведомственных интересов к идеологии Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

кого подхода является, например, ограничение доступа к правосудию, когда пострадавшим отказывают в принятии заявлений по делам, не имеющим так называемой «судебной перспективы»⁵.

Ученые-процессуалисты давно обратили внимание на существование так называемой «палочной системы», подталкивающей органы уголовного преследования к сокрытию сообщений о преступлениях от регистрации и учета⁶, на нежелание сотрудников правоохранительных органов получить негативную оценку своей деятельности и, следовательно, подстраивающих свою деятельность под используемые параметры оценки⁷, на то, что «сотрудники всех правоохранительных органов принимают решения под воздействием стимулов, порождаемых системой оценки, и в последующем отражают такие решения в статистике»⁸. Все авторы, занимавшиеся данной проблематикой, сходятся во мнении, что существующая система оценки работы органов расследования и прокуратуры негативно сказывается на правоприменительной практике и нередко приводит к нарушениям прав участников процесса. С целью устранения данного негативного воздействия предлагается внедрить цифровизацию уголовного процесса⁹, снизить ответственность за достижение определенных статистических показателей либо вовсе отказаться от них¹⁰, усилить надзор прокуратуры за собиранием криминальной статистики¹¹.

Однако сама по себе цифровизация, как показала практика стран ближнего зарубежья, не решает существующей проблемы. На это обращает внимание в своем исследовании Н. А. Богданович, указывая, что сотрудниками прокуратуры и органов предварительного расследования Украины был «придуман механизм «обхода» закона» в целях снижения статистики прекращения уголовных дел¹². Невозможен и отказ от сбора показателей о работе сотрудников

// Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 18–21 ; *Зайцева Е. А.* Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34–38.

⁵ См.: *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2020. № 8. С. 23–27.

⁶ См.: *Ефимкина Н. В.* Влияние особенностей и условий профессиональной деятельности в ОВД на искажение сотрудниками служебной информации // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 120–125 ; *Ахматов А. Б., Маматазизова Н. К.* Досудебное производство по новому уголовно-процессуальному законодательству Кыргызской Республики как начало уголовно-процессуальной деятельности : проблемы и пути решения // Theoretical & Applied Science. 2019. № 1. С. 201–205 ; *Попова О. А.* Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1.

⁷ См.: *Попова О. А.* Указ. соч.

⁸ Криминальная статистика : механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования : исследовательский отчет / М. Шклярчук [и др.]. СПб., 2015.

⁹ См.: *Усачев А. А.* Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 100–111 ; *Масленникова Л. Н., Собенин А. А.* Указ. соч.

¹⁰ См.: *Попова О. А.* Указ. соч.

¹¹ См.: *Коимшиди Г. Ф., Шекк Е. А.* Министр может! Мысли вслух по поводу одного отчета // Евразийский союз ученых. 2015. № 5–6. С. 26–30.

¹² См.: *Богданович Н. А.* Прекращение производства по уголовным делам, зарегистрированным в электронной системе «Единый реестр досудебных расследований» : пробле-

правоохранительных органов. Система статистической отчетности нужна в том числе для систематического мониторинга ситуации в правоприменении, для выстраивания уголовной политики государства, а также системы управления ведомством. Третье предложение не учитывает существование аналогичной проблемы в самих органах прокуратуры.

В данной ситуации наиболее целесообразным представляется расширение транспарентности досудебного производства, усиления общественного контроля, участия общества в оценке деятельности прокуроров и органов расследования.

Зарубежные ученые, указывая на «пропасть» между «инсайдерами» уголовного процесса (суд, следователи, прокурор и т. д.) и его «аутсайдерами» (потерпевший, подсудимый и иные невластные участники), также считают, что именно транспарентность уголовного процесса дает возможность «контролировать инсайдеров»¹³, подчеркивая значимость прозрачности и доступности решений, принимаемых в досудебном производстве для формирования общественного мнения о деятельности правоохранительных органов¹⁴.

Таким образом, в сфере уголовного судопроизводства прокуроры стремятся обеспечить высокий показатель раскрываемости преступлений (принятие обвинительных решений судами), так как высокий уровень этого показателя оценивается как положительный. Деятельность прокуроров по обнаружению нарушений законов органами расследования выстраивается с ориентацией на предыдущие показатели статистической отчетности, демонстрируя стремление прокуроров поддержать стабильность показателей. Решение проблемы видится в расширении транспарентности уголовного судопроизводства и вовлечение общества и участников процесса в осуществление контроля за поддержанием баланса интересов. При этом систему оценки деятельности прокуроров можно выстроить с учетом мнения участников процесса об уровне защиты их прав и законных интересов прокурором.

мы теории и практики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 94–99.

¹³ См.: Bibas S. Указ. соч.

¹⁴ См.: Kowalczyk-Ludzia M. The Principle of Transparency and the Social Perception of the Representatives of Pre-Trial Procedure Authorities // Internal Security. 2018. № 10. P. 19–29.

Саратовская государственная юридическая академия
Манова Н. С., доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса

Saratov State Law Academy
Manova N. S., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminal Process Department
E-mail: n.manova@mail.ru

О НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШЕМУ

В статье через призму нравственных категорий раскрывается проблема возмещения вреда в уголовном судопроизводстве. Анализируются причины низкой доли возмещаемого вреда потерпевшим и возможные пути исправления такой ситуации. Констатируется вывод о недостаточном уровне нравственных начал, присутствующих процессуальной деятельности следователя в рассматриваемом аспекте.
К л ю ч е в ы е с л о в а: нравственная категория, уголовно-процессуальная деятельность, возмещение вреда, потерпевший, следователь.

ON THE MORAL BASE OF THE ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR TO PROVIDE COMPENSATION FOR HARM TO THE VICTIM

The article reveals the problem of compensation for harm in criminal proceedings through the prism of moral categories. The reasons for the low proportion of compensable damage to victims and possible ways to correct this situation are analyzed. The conclusion is made about the insufficient level of moral principles inherent in the procedural activity of the investigator in this aspect.

К е у w o r d s: moral category, criminal procedural activity, compensation for harm, victim, investigator.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Уголовное судопроизводство является одной из сфер жизнедеятельности государства, привлекающей внимание не только специалистов, но и большинство населения страны. Это объясняется, во-первых, особенностью юридического факта, влекущего возникновение уголовно-правового и как следствие уголовно-процессуального правоотношения – нарушение прав, свобод личности, представляющих наивысшую ценность как для отдельного человека, так и для общества в целом; во-вторых, допустимостью на основании закона ограничения неотъемлемых прав, законных интересов человека, вовлеченного в уголовное судопроизводство; в-третьих, наступающими негативными последствиями для лица в случае признания его виновным в совершении преступления, влияющими не только на его правовой статус, но и на социальное положение в обществе. Совокупность обозначенных факторов обуславливает приоритет для властных субъектов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности – обеспечение прав, законных интересов участников уголовного судопроизводства, что законодательно закреплено в ст. 6 УПК РФ. С учетом изложенного верной представляется позиция И. А. Насоновой о том, что

«задачи уголовно-процессуальной деятельности носят высоконравственный характер, поскольку связаны с охраной прав и законных интересов личности в уголовном процессе»¹.

Анализ содержания приведенной статьи уголовно-процессуального закона дает основание заключить, что главенствующим в таком приоритете выступает защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). При этом наиболее ущемленным на протяжении длительного времени, согласно официальным статистическим данным, продолжает оставаться право потерпевшего на возмещение вреда. В частности, доля возмещения причиняемого преступлениями вреда, размер которого исчисляется млрд рублей, не превышает 35 % (в отдельные годы – 15 %)². Кроме того, учитывая, что материалы досудебного производства составляют основу итогового судебного решения по уголовному делу, на что обращают внимание и другие авторы³, то актуальной остается проблема, касающаяся возможности следователя с помощью уголовно-процессуальных средств восстановить нарушенное совершенным преступлением имущественное право потерпевшего. Соответствующая процессуальная обязанность возложена на следователя уголовно-процессуальной нормой, закрепленной ст. 160.1 УПК РФ. В контексте указанного обоснованно мнение Л. Д. Кокорева о том, что степень исполнения участниками своих процессуальных обязанностей определяет, насколько нравственные начала реализуются в уголовном судопроизводстве⁴. Нравственные начала, придерживаясь убеждений М. С. Строговича, представляют собой совокупность действующих в обществе социальных норм, базирующихся на присущих данному обществу взглядах о добре и зле, достойном и недостойном отношении к людям и имеющих целью регулирование поведения людей, их взаимодействие между собой⁵.

На значимость нравственности в регулировании общественных отношений указывал и известный правовед Б. Н. Чичерин, уточняя, что посредством взаимодействия норм права и норм нравственности формируется общественный порядок, основывающийся на чувстве долга и справедливости⁶. Важность последнего для уголовно-процессуальной деятельности следователя актуализируется ввиду того, что в 2018–2019 гг. к уполномоченному по правам человека поступило более 10 тыс. обращений, в 1/3 которых преобладали жалобы на длительность и формализм проводимых проверок сообщений (заявлений) о преступлении и расследований преступлений⁷.

¹ Насонова И. А. О роли нравственных начал в деятельности участников уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 48.

² Статистические данные о результатах деятельности органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда за период 2015–2019 гг.

³ См.: Колоколов Н. А. Обвинительное заключение для судьи не шаблон, а исходный материал // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 50–51.

⁴ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 55.

⁵ См.: Строгович М. С. Избранные труды. М., 1990. Т. 1. С. 84.

⁶ См.: Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882–1883. Т. 1. С. 34.

⁷ См.: Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Рос. газета. 2019. № 125 (7883); Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. // Там же. 2020. № 80 (8134).

Согласно результатам изучения следственной практики по обеспечению возмещения вреда, практически во всех случаях следователь руководствовался не только правовыми нормами, но и вышеуказанными нравственными категориями (нормами). В частности, сразу же при поступлении сообщения о преступлении против собственности в сфере экономической деятельности предпринимались меры к обнаружению предмета преступного посягательства или имущества, которое в перспективе могло выступить обеспечительным средством. Однако со стороны следователя этого недостаточно для эффективного восстановления нарушенного имущественного права потерпевшего, поскольку согласно уголовно-процессуальному закону обозначенное восстановление предполагает возвращение потерпевшему похищенного предмета, ценности либо возмещение утраченного имущества в схожей натуральной форме или в эквивалентной его стоимости денежной сумме. То есть возникает необходимость в изъятии предмета преступного посягательства, иного обеспечительного имущества либо наложения на него ареста. Вполне очевидным является тот факт, что чем оперативнее следователь выполнит указанные процессуальные действия, тем выше вероятность полного возмещения вреда потерпевшему. Одновременно понятно, что в силу публичного характера уголовно-процессуальной деятельности, сопряженной с государственным принуждением, властный субъект не может следовать только нравственным нормам, касающимся, например, справедливого и достойного отношения к правам, законным интересам потерпевшего. Необходимо строго соблюдать предписания уголовно-процессуального закона, что Л. Д. Кокорев расценивал как нравственный долг участников уголовного судопроизводства⁸.

Однако предписания закона в рассматриваемой сфере являются несовершенновыми, поэтому не только снижают эффективность обеспечительной деятельности следователя, но и препятствуют защите прав, законных интересов участников уголовного судопроизводства, в первую очередь потерпевшего. Это подтверждается тем, что следователь согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ имеет процессуальную возможность установить вид, размер похищенного имущества, проводя осмотр места происшествия, получая ответы на запросы о возможном месте нахождения имущества, его стоимости, а также заключение по произведенной по его поручению документальной проверки либо исследованию предметов, используя результаты оперативно-розыскных мероприятий, выполненных органом дознания по его поручению, получив объяснения от пострадавших, очевидцев и т. д. Но уголовно-процессуальный закон не разрешает следователю до возбуждения уголовного дела производить выемку обнаруженного имущества (ч. 1 ст. 144, ст. 183 УПК РФ), что препятствует обеспечению не только его сохранности в первоначальном виде, но и недопущению его уничтожения. Схожая процессуальная ситуация складывается и с производством обыска, когда следователю не удалось достоверно установить точное местонахождение предмета, ценностей, финансовых документов – предметов преступного посягательства.

Выемка, обыск – следственные действия, производство которых сопровождается применением процессуального принуждения. Расширение гра-

⁸ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Указ. соч. С. 56.

ниц допустимости применения такого принуждения в рамках действующей структуры досудебного производства отдельными учеными расценивается негативно. Существованию указанного мнения отчасти способствует правовая позиция Конституционного Суда РФ (далее – Суда), выраженная им в постановлении от 22 марта 2018 г. № 12-П относительно необходимости повышенной ответственности властных субъектов досудебного производства к соблюдению баланса между публичным и частным интересом в уголовном процессе. Вместе с тем приведенная позиция Суда не исключает возможности производства указанных следственных действий, поскольку Суд принимает во внимание факт существования объективной необходимости (вынужденности) применения принуждения в отдельных случаях. Кроме того, ранее Конституционный Суд РФ в постановлении от 18 марта 2014 г. № 5-П указал на необходимость предоставления равных прав участникам уголовного процесса для защиты своих интересов. С учетом изложенного есть основания полагать, что значимой правовой гарантией обеспечения права потерпевшего на возмещение причиненного вреда следует рассматривать законодательное закрепление допустимости производства выемки, обыска при наличии обозначенных выше условий.

Наряду с указанным эффективным обеспечению следователем возмещения вреда потерпевшему препятствует отсутствие у властного субъекта права своевременного наложения ареста на имущество, выступающего в качестве обеспечительного средства. Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест на имущество может быть наложен после наделения заподозренных в совершении преступления лиц процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого, что возможно только после возбуждения уголовного дела. Но, как показывает анализ следственной практики, за период проведения предварительной проверки, как правило продолжительностью 30 суток ввиду производства документальных проверок, исследований предметов и др., и получения разрешения суда на наложение ареста на имущество (ч. 1 ст. 115, ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ) либо меняется собственник данного имущества, либо это имущество утрачивается (исчезает), либо его стоимость существенно уменьшается. В таких случаях снижается вероятность соразмерного возмещения вреда потерпевшему, а вместе с тем нивелируется возможность соблюдения следователем нравственной нормы – справедливость применительно к законному интересу данного невластного участника уголовного процесса – оперативное и в максимально полном объеме восстановление нарушенного его имущественного права. То есть в современных условиях правового регулирования досудебного производства у следователя отсутствуют, в большей степени, процессуальные возможности следования нравственным началам в отношении потерпевшего. Вследствие этого возникает вопрос о том, каково истинное нравственное содержание современного уголовно-процессуального закона, чьи права и законные интересы он в первую очередь охраняет, и не усматривается ли противоречие между его положениями и содержанием основополагающей идеи уголовного судопроизводства, закрепленной ст. 6 УПК РФ. Представляется, что потерпевший остается наиболее незащищенным в уголовном судопроизводстве.

Ситуация с обеспечением возмещения вреда усугубляется тем, что, несмотря на широкий перечень прав, которыми наделен потерпевший, их осуществление потерпевшим в обеспечительных целях носит формальный, а поэтому бесперспективный характер. Их использование данным субъектом не позволяет обнаружить похищенное имущество, обеспечить сохранность последнего ни как объекта материального мира, ни как материальную ценность. В качестве таковых прав следует указать право потерпевшего давать показания (п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право заявлять ходатайство (п. 5 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), право знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта (п. 11 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и др. Вместе с тем потерпевший не имеет права участвовать в осмотре места происшествия, поскольку он производится ввиду процессуальной необходимости, неотложности ситуации, а не по ходатайству потерпевшего (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Кроме того, свои права в досудебном производстве потерпевший начинает осуществлять только на стадии предварительного расследования после окончания предварительной проверки, в момент, к наступлению которого причинитель вреда успевает распорядиться имуществом по своему усмотрению или выполнить в отношении его иные действия, неблагоприятные для законного интереса потерпевшего. Направление потерпевшим запросов в органы Росреестра об установлении собственника конкретного имущества остаются без ответа в силу действия закона. Обращения данным субъектом в банковские организации на предмет уточнения видов операций, осуществляемых по банковскому счету, законом также не предусмотрено. Таким образом, перспектива возмещения вреда потерпевшему находится в прямой зависимости от эффективности процессуальной деятельности следователя. Показатели же этой деятельности достаточно низкие: в 2017 г. доля возмещения вреда в досудебном производстве составила 33 %; в 2018 г. – 31 %; в 2019 г. – 16 %, что обусловлено, главным образом, несовершенством правовых предписаний российского уголовно-процессуального закона, демонстрирующего отступление от нравственных устоев (справедливость, достойное отношение к людям, добро и зло, ответственность).

Следует признать, что негативная практика возмещения вреда потерпевшим отчасти обусловлена отсутствием действенного международного правового механизма, который распространял бы свою юрисдикцию на Российскую Федерацию. Обобщение решений ЕСПЧ⁹ приводит к заключению о том, что гарантированное ст. 52 Конституции РФ право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, не может быть обеспечено при обращении его в защиту этого права в ЕСПЧ. Согласно правовой позиции ЕСПЧ, выраженной им неоднократно в приведенных и иных решениях, его защитный механизм начинает действовать при условии, что причинителем вреда потерпевшему выступает государство, что не согласуется с содержанием обо-

⁹ Постановления ЕСПЧ: от 14 июня 2007 г. «ООО «ПТК Меркурий против России» ; от 10 мая 2015 г. «Параска против Республики Молдова» ; от 13 апреля 2017 г. «Тагаева и другие против Российской Федерации».

значенного конституционного установления, поскольку российское уголовное законодательство в качестве возможного причинителя вреда устанавливает исключительно физическое лицо¹⁰.

Вместе с тем с целью усиления правовых гарантий права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного субъектом независимо от его социально-правового статуса, организационно-правовой формы, страны Совета Европы 24 ноября 1983 г. заключили Конвенцию о компенсации жертвам преступлений, связанных с применением насилия (ETS № 116). Согласно данной Конвенции при необеспечении должностными лицами возмещения вреда потерпевшему лицу, совершившим преступление и причинившим такой вред, первому выплачивается государством компенсация. Однако Российская Федерация к данной Конвенции не присоединилась.

В заключение следует согласиться с мнением Л. Д. Кокорева о том, что нравственные начала охватывают все сферы уголовно-процессуальной деятельности, пронизывают все уголовно-процессуальные правоотношения¹¹. Исключением не является сфера уголовно-процессуальной деятельности, связанная с обеспечением возмещения вреда. Приведенный анализ круга проблем, отмечающихся в ходе обеспечительной деятельности, подтверждает необходимость оптимизировать требования уголовно-процессуального закона, допускающего при наличии зарегистрированного в установленном законом порядке сообщения заявления (сообщения) о преступлении против собственности, в сфере экономической деятельности производства выемки, обыска, наложение ареста на имущество в целях обеспечения сохранности обнаруженного имущества, выступающего в качестве обеспечительного средства. Реализация указанного позволит усилить нравственные начала процессуальной деятельности, predeterminedенные правовым смыслом, заложенным ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства».

¹⁰ См.: Малышева О. А., Малышева Ю. В. Реализация правовых позиций Европейского суда по правам человека в российском уголовном процессе / под ред. Б. Я. Гаврилова. М., 2019. С. 160.

¹¹ См.: Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 121.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Малышева О. А., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права

Moscow State Kutafin Law University (MSLA)

Malysheva O. A., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Procedure Law Department
E-mail: moa_0510@mail.ru

«ПИЛОТНЫЕ» ОБВИНЕНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НЕ ТОЛЬКО ПРОТИВОЗАКОННЫ, НО И БЕЗНАВРЕДНЫ

Статья посвящена рассмотрению привлечения в качестве обвиняемого как акта уголовного преследования в досудебном производстве. Обосновывается, что данный акт по общему правилу должен завершать основную фазу предварительного следствия, являться логическим итогом совокупности процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: досудебное производство, обвинение, обвиняемый, подозрение, подозреваемый, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, привлечение к уголовной ответственности, уголовное преследование.

PRELIMINARY INDICTMENTS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS ARE NOT ONLY ILLEGAL, BUT ALSO IMMORAL

The article is devoted to attracting as an accused as an act of criminal prosecution in pre-trial proceedings. It is substantiated that this act, as a general rule, should complete the main stage of the preliminary investigation and be the logical result of a set of procedural actions to establish the circumstances included in the subject of proof. At the same time, the author analyzes the reasons that influenced the spread of another practice of bringing to criminal responsibility, consisting in the issuance of initial and final charges.

К е у в о р д s: pre-trial proceedings, accusation, accused, suspicion, suspect, preliminary investigation, attracting as an accused, attracting to criminal responsibility, criminal prosecution.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Одними из самых важных и актуальных проблем теории и практики уголовного судопроизводства традиционно являлись и продолжают оставаться проблемы, связанные с правильным выбором, юридической доброкачественностью и своевременностью итоговых и промежуточных решений органов предварительного расследования и суда, обуславливающих возникновение, изменение либо прекращение определенных уголовно-процессуальных правоотношений или состояний. И на этом фоне особый интерес приобретают факторы, предопределяющие убежденность следователей в обоснованности выносимых ими постановлений о привлечении в качестве обвиняемого как правоприменительных актов, предполагающих выдвижение от имени государства в отношении строго определенного лица обвинения, т. е. уголовно-правовой претензии («уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства¹. Ведь именно это постановление, содержащее так

¹ См.: Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу : сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 18.

называемое существо обвинения, выражает сам смысл, само предназначение всего досудебного производства, а его вынесение является кульминационной точкой предварительного следствия.

В соответствии с ч. 1 ст. 171 УПК РФ следователю надлежит вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, если по уголовному делу собраны достаточные доказательства, дающие основания для обвинения лица в совершении преступления. Иными словами, подобная имеющаяся совокупность доказательств должна предопределять практически абсолютную убежденность следователя в изобличении человека в совершении некоего инкриминируемого ему криминального деяния. Правда такая убежденность вовсе не предполагает юридическое признание виновным, а привлечение в качестве обвиняемого не детерминирует юридических последствий, тождественных последствиям, вытекающим из обвинительного приговора суда. Вынесенное в порядке ст. 171 УПК РФ постановление – это не более чем акт досудебного привлечения к уголовной ответственности², который имеет предварительный характер, а изложенный в нем обвинительный тезис является лишь результатом предварительного следствия, итогом работы следователя, приобретая в предстоящем судебном разбирательстве значение позиции стороны, инициировавшей правосудие, «воззвавшей» к правосудию.

Вместе с тем, принимая данное решение, следователь как носитель публично-правовой власти, как полномочный субъект уголовной юрисдикции должен быть абсолютно уверен в неоспоримости и доказанности выдвинутой им уголовно-правовой претензии, т. е. в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела с позитивным для стороны обвинения исходом. На это обстоятельство уже неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты³. Схожие позиции можно встретить и в решениях Конституционного Суда РФ⁴.

Будучи сторонником данной точки зрения, автор настоящей статьи ранее уже высказывался в ее поддержку – писал о незаконности, недопустимости или банальной преждевременности постановлений о привлечении в качестве обвиняемых, содержащих сомнительные, «натянутые» позиции, не продиктованные абсолютной внутренней непоколебимостью соответствующих следователей в своей правоте, т. е. не обусловленные достаточной совокупностью доказательств. Однако в прежних публикациях автора этот тезис аргументировался сугубо юридическими доводами, в первую очередь необходимостью соблюдения принципа презумпции невиновности, а именно предписания о

² См.: *Якубович Н. А.* Обвинение и его обоснованность на предварительном следствии // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в новых экономических и социальных условиях : сб. науч. трудов. М., 1997. С. 251 ; *Ефремова Н. П., Кальницкий В. В.* Привлечение в качестве обвиняемого : учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 5–6.

³ См.: *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 186 ; *Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 191–192 ; *Карнеева Л. М.* Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 128 ; *Еникеев З. Д.* Уголовное преследование : учеб. пособие. Уфа, 2000. С. 78 ; и др.

⁴ Определение Конституционного Суда от 21 декабря 2006 г. № 589-О.

толковании всех неустранимых сомнений в виновности в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ)⁵.

Вместе с тем результаты дальнейших изысканий привели к осознанию возможности обоснования указанной точки зрения еще одним способом – *через нравственные основы деятельности следователя*, предполагающие замещение соответствующих должностей высокообразованными и высокоморальными личностями, не только имеющими необходимые знания, умения, навыки, профессиональный и жизненный опыт, но и обладающими надлежащим уровнем правосознания, правопонимания и ответственности. Причем не в последнюю очередь на формирование такой идеи повлияли работы известных советских и российских ученых, посвященные проблемам этики уголовного судопроизводства в целом и следственной деятельности в частности. Так, И. Д. Перлов писал, что «безнравственно требовать от следователя твердой и окончательной убежденности в виновности обвиняемого, когда он не обладает еще всей совокупностью доказательств, когда он не произвел еще всех следственных действий»⁶. Ученый справедливо полагал, что преждевременная псевдоуверенность в изобличении человека в совершении преступления может привести к предвзятости и породить не совместимый с моральными принципами обвинительный уклон. В свою очередь, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев и Д. П. Котов, задаваясь вопросом о возможности выдвижения следователем обвинительного тезиса в условиях отсутствия убежденности в виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица, обращали внимание, что подобный подход противоречит как правовым, так и нравственным принципам уголовного процесса. С этической точки зрения, продолжали авторы, нравственным может быть признан только тот поступок, который совершен на основе внутреннего убеждения, твердой уверенности, глубокой веры в правильность этого поступка. Они считали, что «убеждение и только убеждение является рациональной основой нравственной личности, позволяющей ей совершать тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения»⁷. Аналогичные суждения содержатся и в ряде других публикаций⁸.

Именно поэтому законодатель не устанавливает и не может устанавливать (!) никаких четких сроков для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. А выбор наиболее подходящего для этого времени находится в зоне дискреционных полномочий и сфере процессуальной само-

⁵ См.: *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 32 ; *Его же.* О взаимосвязи привлечения в качестве обвиняемого и избрания меры пресечения // *Университетские правовые диалоги : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Ю. Д. Лившица / под ред. С. М. Даровских, Г. С. Русман.* Челябинск, 2019. С. 139–140.

⁶ *Перлов И. Д.* Судебная этика // *Советское государство и право.* 1970. № 12. С. 107.

⁷ *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 117.

⁸ См.: *Алексеев Н. С., Лукашевич В. З.* Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве (возбуждение уголовного дела и предварительное расследование). Л., 1970. С. 90–91 ; *Проблемы судебной этики / под ред. М. С. Строговича.* М., 1974. С. 159–162 ; *Москалькова Т. Н.* Этика уголовно-процессуального доказывания. М., 1996. С. 92.

стоятельности следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Он обуславливается лишь предопределенным принципом свободы оценки доказательств внутренним убеждением, базируется на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, доброкачественность, убедительность и достаточность которых определяется в соответствии с правилами, установленными ст. 17 УПК РФ. И, таким образом, акт досудебного привлечения лица к уголовной ответственности не может быть ни преждевременным, ни запоздалым – он подлежит изданию именно тогда, когда этого требует сложившаяся по делу следственная ситуация, не раньше и не позже. Поспешность вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, нередко являющаяся результатом следственного формализма (в негативном смысле этого термина)⁹, приводит к необоснованности обвинительного тезиса в условиях недостаточной убежденности в доказанности всех имеющих значение для дела обстоятельств и изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления¹⁰. В свою очередь необоснованное затягивание сроков досудебного привлечения к уголовной ответственности весьма негативно отражается на правовом положении соответствующего лица (как бы потенциального обвиняемого), прежде всего, лишает его возможности знать о содержании, возражать и давать показания по существу уже фактически сформулированной, но надлежащим образом не оформленной и не предъявленной уголовно-правовой претензии.

Из всего сказанного закономерно вытекает вполне понятный, однозначный, отвечающий и предназначению досудебного производства, и принципам уголовного процесса, и нравственным основам следственной деятельности постулат: *привлечение в качестве обвиняемого по общему правилу должно замыкать основную, т. е. собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия, являться логическим завершением совокупности следственных (иных процессуальных) действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и осуществляться в преддверии передачи материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд.*

Поэтому постановление о привлечении в качестве обвиняемого надлежит выносить непосредственно перед началом финальной части предварительного следствия, предусмотренной главами 30–31 УПК РФ. Вся дальнейшая процессуальная деятельность (уведомление заинтересованных лиц об окончании предварительного следствия, их ознакомление с материалами уголовного дела, разрешение поступивших ходатайств, составление обвинительного заключения и т. д.) уже не имеет «расследовательской», т. е. познавательной направленности и сводится к обеспечению прав обвиняемого, других участников уголовного судопроизводства, к надлежащему юридическому завершению предварительного расследования, оформлению его результатов и т. д.

Правда, несмотря на всю очевидность данного доктринального постулата, он имеет известную степень условности и в реальной правоприменительной

⁹ См.: Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : метод. пособие. М., 1962. С. 46.

¹⁰ Близкую позицию в свое время высказал Конституционный Суд РФ (определение от 21 декабря 2004 г. № 467-О).

практике может применяться с некоторыми оговорками. В частности, подобный тезис, имея как бы общий, базовый характер, ориентируется на самые простые дела, подразумевающие уголовное преследование лишь одного обвиняемого. Тогда как в ходе предварительного расследования более сложных уголовных дел о групповых преступлениях вполне могут складываться ситуации, не предполагающие единовременное осознание следователем оснований для привлечения к уголовной ответственности всех «фигурантов» – в какой-то момент следователь убеждается в необходимости вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого лишь в отношении одного или нескольких лиц, тогда как в отношении остальных такая уверенность еще отсутствует.

Кроме того, указанный постулат не учитывает и сложную процедуру привлечения в качестве обвиняемого, предоставляющую лицу, подвергаемому уголовному преследованию, возможность возразить против предъявленного обвинения, сообщить какие-либо новые сведения, заявить ходатайство и т. д., что иногда приводит к объективной необходимости расследования дополнительных обстоятельств и последующего вынесения нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого (перепредъявления обвинения в новой редакции) в порядке ч. 1 ст. 175 УПК РФ. Потребность в расследовании дополнительных обстоятельств, изменении и дополнении первоначального обвинения может быть вызвана и результатами процессуальных действий, проведенных в отношении других обвиняемых, сообщенными ими сведениями, заявленными ими ходатайствами и т. д.

Однако представляется, что все подобные обстоятельства никоим образом не могут поколебать или поставить под сомнение общую позицию о постановлении о привлечении в качестве обвиняемого как о заключительном процессуальном акте «расследовательской» фазы досудебного производства, подлежащем вынесению непосредственно перед началом процедуры завершения предварительного расследования с обвинительным заключением. Предопределенные такими обстоятельствами особенности лишь придают базовому механизму досудебного привлечения лица к уголовной ответственности определенные оттенки, приводят к возникновению ряда специфических процессуальных алгоритмов и прикладных технологий, обладающих той или иной степенью вариативности. Ведь никакие особые условия или тому подобные причины не могут лишить акт привлечения в качестве обвиняемого его подлинного правового смысла, т. е. разорвать его взаимосвязь с предназначением всего досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности. По крайней мере, ни закон, ни нравственные основы следственной деятельности не предполагают никаких специальных условий, детерминирующих возможность досудебного привлечения к уголовной ответственности без достаточной совокупности доказательств, побуждающей уверенность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Поэтому любое решение о привлечении в качестве обвиняемого по смыслу закона изначально должно сопровождаться убежденностью автора (следователя) о выполнении всех возможных следственных (иных процессуальных) действий и завершении «расследовательского» этапа досудебного производства,

по крайней мере в части уголовного преследования соответствующего лица, а также предварительным «оптимистическим» расчетом, своего рода надеждой на отсутствие необходимости дальнейшего производства дополнительного расследования и перепредъявления обвинения.

Вместе с тем в реальной правоприменительной практике укоренился принципиально иной подход к досудебному привлечению лиц к уголовной ответственности. Для современных следователей уже вошла в привычку, стала восприниматься как обыденность существующая не один десяток лет прикладная технология, состоящая в двухэтапном и растянутом на достаточно длительный срок механизме привлечения в качестве обвиняемого. Сначала в отношении лица формулируется так называемое первоначальное («пилотное») обвинение, как правило, основанное на результатах ряда безотлагательных следственных и иных процессуальных действий. В завершении предварительного следствия формулируется окончательное обвинение (обвинение в окончательной редакции), опирающееся на итоги полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, обоснованное достаточной совокупностью доказательств и обусловленное убежденностью следователя в избличении лица в совершении преступления. В качестве нормативной основы данной прикладной технологии в настоящее время используется все та же ч. 1 ст. 175 УПК РФ, которая, как уже отмечалось выше, допускает возможность повторного вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, содержащего новую редакцию прежнего обвинения. В связи с этим весьма примечательно, что некоторые ученые-процессуалисты тоже пишут об указанной технологии как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся, не вызывающем и тени сомнения¹¹.

Безусловно, в подобном двухэтапном механизме подлинный смысл досудебного привлечения к уголовной ответственности, сводящийся к выдвиганию в отношении лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства, присущ лишь второму этапу, т. е. формулированию окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции). Иными словами, по общему правилу постановление о привлечении в качестве обвиняемого может быть только одним – окончательным, замыкающим собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия. А предусмотренный ч. 1 ст. 175 УПК РФ порядок изменения или дополнения обвинения вовсе не предполагает сплошного, безразборного использования по всем уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного следствия. По смыслу закона такой механизм имеет характер исключения из общего правила – может оказаться достаточно востребованным или даже необходимым лишь при наличии каких-то особых обстоятельств, не свойственных большинству других уголовных дел и связанных с потребностью расследования дополнительных обстоятельств, ставших известными в процессе предъявления обвинения или позднее.

Тогда как фактически набросанное на «скорую руку» первоначальное обвинение – это не более чем выдвинутая в определенный момент досудебного

¹¹ См.: Еникеев З. Д. Указ. соч. С. 81 ; Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 137 ; и др.

производства предварительная следственная версия, гипотеза, обуславливающая необходимость дальнейшего продолжения расследования в целях более полного установления (доказывания) всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Другими словами, «пилотное» обвинение является никаким не обвинением, а ничем иным как типичным подозрением какого-либо лица в совершении некоего преступления¹².

Закономерно возникает вопрос: что заставляет практических работников использовать указанную двухэтапную практическую технологию привлечения в качестве обвиняемого, а ученых-процессуалистов писать о ней как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся? Тем более, что подобный алгоритм сильно перегружает уголовный процесс, поскольку предполагает необходимость двукратного выполнения, по сути, одной и той же работы.

Как это ни прискорбно, но ответ на данный вопрос является более чем тривиальным. Правоприменительная практика в этой части в очередной раз страдает из-за непродуманности уголовно-процессуального законодательства, несогласованности различных положений закона. Например, в прежних публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось о существовании в системе уголовно-процессуального регулирования не выдерживающей никакой критики правовой коллизии между основаниями для привлечения в качестве обвиняемого и правовыми условиями избрания мер пресечения, обусловленной неудачными попытками раннесоветского законодателя заимствования хорошо зарекомендовавших себя дореволюционных механизмов и процедур без их надлежащей адаптации к новым на тот момент реалиям уголовного судопроизводства¹³ и т. д.

Вместе с тем указанные проблемы не могут быть разрешены лишь посредством внесения очередной (какой по счету?) порции изменений и дополнений в УПК РФ. Хотя такие поправки видятся более чем необходимыми, они не смогут полностью устранить тех «болезней», которыми в настоящее время страдает российская система досудебного производства, в частности механизм выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Поэтому подобные реформы должны иметь не сугубо законотворческий, а комплексный характер. И начинать их нужно не столько с новых правотворческих шагов, обусловленных кипучей энергией отдельных представителей законодательной власти или иных правомочных субъектов, а с пересмотра государственной идеологии

¹² В связи с этим необходимо напомнить, что под подозрением в уголовно-процессуальной доктрине обычно понимают выдвинутую органами дознания или предварительного следствия в отношении конкретного лица первоначальную либо промежуточную версию о совершении этим лицом преступления, не подтвержденную достаточным количеством доказательств, дающих основания для формулирования обвинения (см., например: *Татьянина Л. Г., Бычкова К. Г.* Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2008. № 83. С. 22–23; *Грибунов О. П., Степанова В. Г.* Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 14; *Россинский С. Б.* Задержание подозреваемого : конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 62 ; и др.).

¹³ См.: *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения... С. 33–34.

в отношении профессии следователя, с повышения уровня его нравственности, профессионализма, правосознания, правопонимания, ответственности, т. е. личностных качеств, столь необходимых для выполнения задач, стоящих перед уголовной юстицией¹⁴.

¹⁴ См.: *Россинский С. Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2016. № 10. С. 95–96, 100.

Институт государства и права Российской академии наук
Россинский С. Б., доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Process and Criminology
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются отдельные аспекты допроса несовершеннолетних лиц в уголовном судопроизводстве. Данная категория дел относится к категории одних из самых сложных ввиду личностных особенностей обвиняемого, являющегося несовершеннолетним, его правового положения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: допрос несовершеннолетнего обвиняемого, сущность допроса, тактика допроса, уголовный процесс.

MORAL ASPECTS OF INTERROGATION OF A MINOR ACCUSED IN CRIMINAL PROCESS

The article examines certain aspects of interrogation of minors in criminal proceedings. This category of cases belongs to the category of one of the most difficult due to the personal characteristics of the accused, who is a minor, and his legal status.

К е у w o r d s: interrogation of a minor accused, essence of interrogation, interrogation tactics, criminal procedure.

Поступила в редакцию 18 ноября 2021 г.

На протяжении длительного времени преступность несовершеннолетних привлекает особое внимание. Несовершеннолетние – это те члены общества, от которых зависит, как будет развиваться в дальнейшем социальное и нравственное здоровье населения.

Несовершеннолетние довольно сильно подвержены влиянию со стороны взрослых и сверстников в силу своего психического развития. Данная категория склонна подражать взрослым и в то же время совершать определенные действия исходя из реакций окружающих. Учитывая низкий уровень ответственности и соответствующие этому негативные проявления в современном обществе, которые больше всего отражаются на детях и подростках, проблема преступности несовершеннолетних требует внимательного изучения в целях эффективной профилактики.

В настоящее время допрос является самым распространенным следственным действием. В этом легко убедиться, если взять в руки тома уголовных дел, материалы которых – это в основном протоколы допроса. Допрос – один из древнейших источников получения доказательств и установления деталей совершения преступления.

Допрос строго регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства, которые возлагают на следователя функции управления, по-

мимо познания¹. Статья 189 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) содержит общие правила проведения допроса. При этом следователь при проведении данного действия руководствуется также положениями, закрепленными в ст. 164 УПК РФ.

Допрос – это не просто процесс общения, поскольку стороны изначально имеют разный объем информации. Со стороны правоохранительных органов информация всегда имеется в ограниченном количестве. Проведение этого следственного мероприятия отличается от других следственных мероприятий рядом важных психологических особенностей. Четкая регламентация процесса допроса является явным условием для эффективного проведения данного следственного действия².

Что касается допроса с участием несовершеннолетних, следует отметить, что некоторые современные исследователи не видят существенных различий в процедуре следственного действия при участии несовершеннолетнего. Они считают, что можно использовать те же методы опроса, что и со взрослыми людьми. Однако, на наш взгляд, это мнение в корне не верно.

Статья 425 УПК РФ устанавливает требования, касающиеся допроса несовершеннолетнего обвиняемого и подозреваемого. Действующее законодательство Российской Федерации указывает на обязательное участие в названном следственном действии защитника и законного представителя несовершеннолетнего. УПК РФ также определяет, что требуется обязательное участие педагога или психолога в случае, если несовершеннолетний обвиняемый страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии. Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» содержит положения о том, что требуется обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в возрасте от 14 до 16 лет, а в возрасте от 16 до 18 лет – при условии, что он страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии.

Согласно ч. 2 ст. 425 УПК РФ, в силу возраста подростка и в связи с невозможностью в полном объеме самостоятельно защищать свои законные интересы и права при его допросе участвует защитник³, который имеет право задавать вопросы несовершеннолетнему, а после окончания допроса делать письменные замечания о записях, отображенных в протоколе допроса.

Стоит отметить, что из-за присутствующих психологических особенностей, несовершеннолетние могут запомнить важные детали, на которые другие категории граждан не обратили бы внимания. Среди таких деталей можно на-

¹ См.: *Стародубова Г. В.* Установление истины в уголовном процессе. Воронеж, 2010. С. 137–139.

² См.: *Манова Н. С., Францифоров Ю. В.* Уголовный процесс : учеб. пособие. М., 2020. С. 116.

³ См.: *Стародубова Г. В.* Новый вариант «сделок с правосудием» // Досудебное соглашение о сотрудничестве : правовые и криминалистические проблемы. Воронеж, 2010. Вып. 6. С. 248 ; *Ее же.* Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 114.

звать государственный номер автомобиля, яркие особенности внешности подозреваемого, бросающиеся детали в одежде и т. д.⁴

Существуют определенные правила, которых следует придерживаться следователю при допросе несовершеннолетнего обвиняемого:

1) соблюдать правила этикета, корректно вести разговор с допрашиваемым;

2) уделить определенное время беседе по вопросам, которые не имеют отношения к предмету допроса, но при этом вызывают интерес у допрашиваемого;

3) важно сначала выслушать свободный рассказ по предмету допроса и лишь потом задавать уточняющие вопросы, таким образом можно «уловить» существенные детали;

4) воздержаться от излишнего употребления правовых терминов и официально-делового стиля;

5) в некоторых случаях стоит проявить сочувствие к несовершеннолетнему, который попал в данную трудную ситуацию;

6) при наличии оснований указать обвиняемому на его использование для совершения преступления взрослыми, которые могут избежать ответственности за вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего.

Если сравнивать возможности совершеннолетних и несовершеннолетних осознавать события в полной мере, то стоит отметить, что несовершеннолетние далеко не всегда в состоянии выделить основные элементы произошедшего, так как они обращают внимание лишь на те вещи или явления, которые им интересны⁵.

Устное изложение показаний несовершеннолетних (подростков), на котором сосредоточили внимание правоохранительные органы, таит в себе особую угрозу, поскольку анализ ошибок следственной практики показывает, что подростки не всегда могут точно осознавать смысл сказанных слов и выражений.

Анализ общих причин преступности несовершеннолетних указывает на их обусловленность недостатками воспитания, погрешностями в социальном формировании личности подростка, на особенности его психоэмоциональных, волевых качеств, уровень интеллектуального развития.

Успех выбора тактических особенностей допроса несовершеннолетнего обвиняемого во многом зависит от того, насколько всесторонне будут изучены причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними в принципе и в достаточной мере выяснены причины и условия совершения конкретным несовершеннолетним конкретного преступления, производство по уголовному делу о котором ведется.

⁴ См.: Белокобыльская О. И. Пределы допустимости психологического воздействия на допрашиваемого при производстве допроса // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 5. С. 107.

⁵ См.: Дюсенбаева К. К. Особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого // Проблемы современного российского права : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств, заслуженного деятеля науки РФ Ивана Яковлевича Дюрягина (24–25 мая 2013 г.). Челябинск, 2014. С. 241.

Таким образом, допрос – это один из самых распространенных способов получения доказательств по уголовному делу, вместе с тем это достаточно сложное следственное действие с точки зрения психологии, особенно если проводится допрос несовершеннолетнего. Следователь должен обладать в достаточной мере познаниями в сфере подростковой психологии, для того чтобы у него была возможность получить от несовершеннолетнего обвиняемого необходимую информацию при полном соблюдении прав и интересов данного участника уголовного судопроизводства.

Воронежский государственный университет

*Гудкова Н. А., магистрант, старший следователь Корсаковского МСО
СУ СК РФ по Сахалинской области (лейтенант юстиции)*

Voronezh State University

*Gudkova N. A., Master's Student, Senior Investigator of the Korsakov MCO of
the Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian
Federation for the Sakhalin Region (Lieutenant of Justice)
E-mail: gudkova.n.a.97@gmail.com*

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА ПО ОБЖАЛОВАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируются существующие научные воззрения о нравственных основах уголовно-процессуального обжалования, исследуются вопросы соотношения морали, этики, обязанности адвоката-защитника следовать этическим правилам при осуществлении деятельности по обжалованию, ответственности за несоблюдение норм профессиональной этики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обжалование, мораль, этика, право, обязанность, нравственные основы, адвокат, защитник, приговор.

THE MORAL FOUNDATIONS OF THE DEFENDER'S ACTIVITY ON APPEAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the existing scientific views on the moral foundations of criminal procedural appeal, examines the issues of the correlation of morality, ethics, the duty of a defense lawyer to follow ethical rules when carrying out appeal activities, responsibility for non-compliance with the norms of professional ethics.

К е у о r d s: appeal, morality, ethics, law, duty, moral foundations, lawyer, defender, sentence.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Фундаментальной основой права на обжалование в уголовном судопроизводстве являются конституционные положения, указанные в ст. 45, 46 и 50 Конституции РФ, гарантирующие самозащиту всеми не запрещенными законом способами, судебную защиту прав и свобод, реализацию возможности обжалования решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, пересмотра приговора осужденного за преступление.

Указанные конституционные положения последовательно развиты и закреплены в ст. 19 УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства – право на обжалование процессуальных действий и решений, содержащее положения о возможности обжалования действий (бездействия) и решений суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя, право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом.

Обжалование в уголовном судопроизводстве регулируется нормами уголовно-процессуального закона, вместе с тем, как справедливо отмечают Н. С. Манова и М. А. Баранова, «уголовное судопроизводство не может не опираться на нормы нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе представлений о справедливости, совести, о правом и неправом»¹.

¹ Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2019. № 3. С. 564.

Нравственные основы обжалования сочетают в себе систему моральных предписаний, регулирующих общественные отношения в соответствии со сложившимися в обществе критериями добра, зла, справедливости, честности, совести, чести и гуманизма, а также этические нормы и правила поведения участников, в том числе защитника при реализации прав и полномочий по обжалованию действий (бездействия) и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

«Нравственность – обязательный фактор, влияющий на формирование права, – считает О. В. Гладышева, – его содержание, характер, нравственность – это правила поведения, но охватывающие все стороны и общественной, и личной жизни человека, справедливое правовое регулирование учитывает признанные обществом нравственные императивы, в том числе осознанную необходимость наделяния участников правоотношений той или иной степенью свободы и равенства»².

Следует согласиться с мнением Е. П. Гришиной и С. А. Саушкиным о том, что «нормы права и морали могут регулировать общественные отношения одновременно, правда, с разных позиций: мораль – с точки зрения добра и зла, а право – с точки зрения признанного, установленного государством, обязательного и обеспечиваемого принуждением»³.

Термины «мораль» и «этика» часто употребляются как синонимы, хотя в научном понимании эти термины не равнозначны. Мораль – один из способов регулирования общественных отношений, а этика – наука о морали, учение о нормах морали и нравственности, сложившихся в обществе.

Особо актуальна проблема нравственности при уголовном преследовании, применении процедуры привлечения к уголовной ответственности, когда могут существенно ограничиваться конституционные и иные права и свободы человека и гражданина, включая право на свободу и личную неприкосновенность. Так, применительно к институту следственных действий В. А. Семенцов пишет: «Возможность применения принуждения позволяет повысить эффективность следственных действий, обеспечивает благоприятные условия для наиболее полной, всесторонней и объективной уголовно-процессуальной деятельности, хотя одновременно влечет негативные правовые последствия для личности в виде лишения ее конституционных прав и свобод либо стеснения в них»⁴.

Этим аспектам, включая справедливость, фактическому неравенству государства и личности посвящены многочисленные исследования ученых, подчеркивающих значение нравственности для правоприменения в уголовном

² Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 237.

³ Гришина Е. П., Саушкин С. А. Нравственно-философские идеи добра, справедливости и уголовное судопроизводство // Уголовное судопроизводство. 2009. № 3. С. 4.

⁴ Семенцов В. А. Ограниченный характер принуждения при производстве следственных действий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. трудов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Принуждение в уголовном процессе : современные проблемы и тенденции». М., 2020. С. 55.

судопроизводстве и для формирования его правовой основы – уголовно-процессуального законодательства⁵. Высказываемые суждения не всегда бесспорны, но, безусловно, направлены на придание уголовному судопроизводству необходимого в современных условиях нравственного облика.

Профессиональная зрелость представителей юридической профессии – адвокатов, реализующих право на обжалование в уголовном судопроизводстве, не может характеризоваться только определенной суммой знаний, умений и навыков, она включает и соответствующий уровень нравственного развития личности, овладения ею моральными требованиями. Причем целью является не просто накопление нравственных знаний, а формирование убеждений в справедливости и необходимости предписаний морали.

При осуществлении своей профессиональной деятельности в сфере уголовного судопроизводства адвокат-защитник в приоритетном порядке руководствуется нормами УПК РФ при разрешении тех или иных вопросов, связанных с обжалованием, однако нередко только правовых норм бывает недостаточно, и возникает необходимость применения иных социальных предписаний, прежде всего норм морали.

Обязанности защитника не ограничиваются добросовестным исполнением своего долга в рамках закона, поскольку ему следует действовать как в интересах права в целом, так и тех лиц, чьи права и свободы ему доверено защищать. Этические нормы призваны оказывать адвокату-защитнику помощь в его деятельности, определяя не столько то, что нужно сделать, а сколько то, как сделать это более качественно в интересах доверителя. Этические принципы и правила поведения адвоката закреплены в Кодексе профессиональной этики адвоката, принятого 31 января 2003 г. на Первом Всероссийском съезде адвокатов.

Очевидна существенная значимость обжалования для воплощения в уголовном судопроизводстве норм нравственности. Разделяя эту позицию, отметим четыре проблемных аспекта применительно к деятельности защитника по обжалованию в уголовном судопроизводстве.

1. Деятельность защитника по обжалованию в уголовном судопроизводстве в определенных случаях направлена не только на обжалование действий (бездействия), решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, которые непосредственно нарушают права, законные интересы подзащитного, но и опосредованно, когда адвоката не допускают к участию в уголовном деле в качестве защитника.

Адвокатским сообществом негативно оценивались имеющиеся в уголовно-процессуальном законе нормативные положения о «допуске» адвоката к участию в уголовном деле. В настоящее время в соответствии с изменениями, внесенными в ч. 4 ст. 49 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 17 апреля

⁵ См.: *Евстигнеева О. В.* Судебное заседание по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ УПК РФ как форма осуществления правосудия, отвечающая требованиям справедливости // *Судебная власть и уголовный процесс.* 2019. № 1. С. 74 ; *Закотянская А. Ф.* Обжалование и пересмотр решений суда в ходе досудебного производства. М., 2013 С. 8 ; *Зотов Д. В.* Моральные основы юридического выступления (по мотивам судебных речей Ф. Н. Плевако) // *Судебная власть и уголовный процесс.* 2020. № 3. С. 52.

2017 г. № 73-ФЗ), адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника, когда согласие подозреваемого или обвиняемого не является обязательным, так как согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается не только подозреваемым, обвиняемым, но и другими лицами по поручению или с согласия потенциального подзащитного.

Несовершенство, на наш взгляд, правового регулирования вступления адвоката для осуществления защиты в уголовном судопроизводстве порождает разную правоприменительную практику. Содержание ч. 1 ст. 50 УПК РФ толкуется должностными лицами, осуществляющими досудебное производство, как основание требовать письменное согласие подозреваемого, обвиняемого или поручение об участии конкретного адвоката в качестве защитника. В результате, помимо указанных в ч. 4 ст. 49 УПК РФ удостоверения и ордера, следователь или дознаватель требуют от адвоката предоставления дополнительного документа (письменного согласия либо поручения).

Нередко следователи, дознаватели, осуществляющие досудебное производство отказывают в допуске адвоката к участию в уголовном деле в качестве защитника.

Так, апелляционная инстанция Краснодарского краевого суда своим решением отменила постановление Ленинского районного суда г. Новороссийска от 19 марта 1921 г. по жалобе защитника Т. в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление следователя отдела полиции П. от 6 марта 2021 г. об отказе в удовлетворении ходатайств об ознакомлении с процессуальными документами в отношении ее подзащитных и получении их копий, на основании отсутствия письменных ходатайств обвиняемых (которые на тот момент находились в розыске). В апелляционной жалобе адвокат Т. отметила, что отказ в удовлетворении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на решение следователя является незаконным и необоснованным, поскольку следователю представлен ордер и удостоверение адвоката. Суд апелляционной инстанции в своем решении указал, что уголовно-процессуальный закон не предусматривает в качестве основания вступления адвоката в дело иных документов, кроме удостоверения и ордера⁶.

2. Возникает вопрос: обжалование защитником действий (бездействия), решений должностных лиц и органов, осуществляющих досудебное уголовное производство – это его право или обязанность?

В п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ говорится о том, что защитник вправе приносить жалобы и участвовать в их рассмотрении судом. Однако положения Кодекса профессиональной этики адвоката, решения Федеральной палаты адвокатов, высших органов адвокатского самоуправления обязывают адвоката в определенных случаях обжаловать в интересах подзащитного процессуальные действия и решения, а в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁷ адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, исполнять решения органов Федеральной палаты адвокатов РФ.

⁶ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 27 апреля 2021 г. Дело № 22-2776/21 // Архив Краснодарского краевого суда.

⁷ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

Согласно п. 9 Стандарта оказания адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого 15 апреля 2015 г. Восьмым Всероссийским съездом адвокатов⁸, адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует его задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного.

Кроме того, п. 1 Разъяснения № 02/20 Комиссии по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования, утвержденного решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 29 апреля 2020 г.⁹, обязывает защитника обжаловать постановление суда первой инстанции об избрании его подзащитному меры пресечения при наличии его просьбы независимо от того, участвует он в деле по назначению либо по соглашению, а также принять участие в заседании суда апелляционной инстанции при рассмотрении жалобы на постановление суда первой инстанции об избрании меры пресечения при наличии просьбы об этом подзащитного либо в случае, если участие защитника в судебном заседании апелляционной инстанции в соответствии со ст. 51 и 389.11 УПК РФ является обязательным.

Исключением может являться случай, когда предмет соглашения включает лишь участие адвоката в заседании суда первой инстанции при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения и не включает защиту доверителя на стадии предварительного расследования в целом. Неявка адвоката, участвующего в деле на основании соглашения, в судебное заседание по избранию меры пресечения не освобождает его от необходимости обжалования постановления суда об избрании меры пресечения.

Таким образом, вышеуказанные положения регламентируют деятельность адвоката-защитника, связанную с обжалованием в досудебном производстве, и по общему правилу обязывают защитника как приносить жалобы на определенные действия и решения, так и участвовать в судебном заседании по рассмотрению апелляционной жалобы на избрание меры пресечения. Такой вывод можно сделать с учетом разъяснения высшего органа Федеральной палаты адвокатов о необходимости руководствоваться стандартом при определении обязательных действий в процессе осуществления защиты¹⁰.

⁸ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве : принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Разъяснение № 02/20 Комиссии по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования : утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 29 апреля 2020 г. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 29.08.2021).

¹⁰ Обращение о соблюдении норм Кодекса профессиональной этики адвоката и Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве : принято VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 29.08.2021).

3. Другим проблемным аспектом является вопрос о праве или обязанности защитника обжаловать приговор суда в порядке апелляционного производства. В соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ч. 7 ст. 49 УПК РФ защитник не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Согласно п. 2 и 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат обязан выполнить обязанности защитника вплоть до подачи апелляционной жалобы по просьбе подзащитного или при наличии оснований к отмене или изменению приговора в пользу осужденного. Некоторые адвокаты полагают, что такие категоричные формулировки не соответствуют смыслу положений закона об адвокатуре и УПК РФ¹¹. Вместе с тем стандарт оказания адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, а именно п. 16, детализирует вышеупомянутое этическое правило и предусматривает основание, исключающее такую обязанность, – если подзащитный в письменном виде отказался от обжалования приговора и защитник убежден в отсутствии самооговора.

Сформулированное этическое правило в решениях органов адвокатского самоуправления обязывает защитников обжаловать приговор в порядке апелляционного производства, освобождая его от такой обязанности только при наличии документального подтверждения – письменного отказа осужденного.

Тем не менее анализ дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы свидетельствует о том, что во взаимоотношениях с доверителями наиболее часто адвокаты нарушают возложенную на них федеральным законом и кодексом обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми, не запрещенными законодательством, средствами (п. 1 ч. 1 ст. 7 закона об адвокатуре, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), что обычно выражается в неактивной работе по делу доверителя, несовершении обязательных юридически значимых действий, например, когда не обжалуется обвинительный приговор суда¹².

4. Содержание жалобы адвоката-защитника с точки зрения соблюдения этических правил также представляется актуальным. Кодекс профессиональной этики адвоката требует от представителя этой профессии уважать права, честь и достоинства доверителей, других лиц, придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению, участвуя в судопроизводстве, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, возражать против действия судей, других лиц, делать это в корректной форме и в соответствии с законом (п. 2 ст. 8, п. 1 ст. 12 КПЭА).

Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве адвокаты в тексте жалобы используют слова и выражения, не соответствующие деловому стилю общения, ее текст носит литературный характер, чрезмерно эмоционально окрашен, редакция жалобы не соответствует требованиям делопроизводства (написана разным шрифтом, используется хаотичное выделение текста, между абзацами допол-

¹¹ См.: *Абрамов А. Б., Рудич В. В., Султангареев Л. О.* Проблемы правоприменения ч. 7 ст. 49 УПК РФ : практ. пособие. Екатеринбург, 2021. С. 19.

¹² Обзор дисциплинарной практики совета Адвокатской палаты г. Москвы за 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нительные пробелы и т. д.), описание обжалуемых незаконных, по мнению защитника, процессуальных действий должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, сделано в некорректной форме и носит оскорбительный по отношению к этим лицам характер.

Примером нарушения адвокатом норм профессиональной этики при обжаловании судебного решения является решение о применении в отношении адвоката О. меры дисциплинарного воздействия в виде замечания по дисциплинарному производству, принятое на заседании совета Адвокатской палаты г. Москвы на основании поступившего частного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 17 октября 2007 г., в котором указано, что в кассационной жалобе адвокат О., оспаривая законность и обоснованность состоявшегося в отношении Р. приговора, изложила свои доводы в некорректной форме, используя нелицеприятные и нецензурные выражения, в том числе по отношению к сотрудникам милиции. Поскольку кассационная жалоба является процессуальным документом, к составлению которого законом предъявляются определенные требования, употребление адвокатом в жалобе неприличных и нецензурных слов и выражений является недопустимым и расценено судебной коллегией, которой эта жалоба адресована, как явно выраженное неуважение к суду, рассматриваемому делу в кассационном порядке¹³.

Содержание жалоб адвоката на судебные и иные решения в уголовном судопроизводстве предполагает не только изложение своих суждений и умозаключений в корректной форме, но и отказ от включения в процессуальные документы разговорные и жаргонные выражения, носящие фамильярный по отношению к субъекту обращения характер с целью создания негативно-эмоционального фона, которое не требуется в официальном документе. Использование в тексте жалобы разговорных и иных выражений может быть оправдано только при дословном воспроизведении имеющихся в материалах уголовного дела доказательств, например при цитировании показаний, если это имеет существенное значение для обоснования доводов, требований, сформулированных в жалобе адвокатом-защитником.

¹³ Обзор дисциплинарной практики совета Адвокатской палаты г. Москвы за 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кубанский государственный университет
Рудакова С. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса, заместитель декана
юридического факультета имени А. А. Хмырова

Kuban State University
Rudakova S. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminal Process Department,
Deputy Dean of the Faculty of Law named after A. A. Khmyrov
E-mail: Rudakovasvetlana@mail.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА 2021 г., СВЯЗАННЫХ С ПРЕЮДИЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ*

Анализируется решение Конституционного Суда РФ 2021 г. о признании ст. 116.1 УК РФ не соответствующей Конституции России. Сделано предположение о пути развития преюдиционных преступлений с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ. Дана оценка изменениям ст. 264.1 УК РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: административная преюдиция, судимость, дорожные преступления, преступления против интересов несовершеннолетних.

ON CERTAIN NOVELTIES OF THE CRIMINAL LAW OF 2021 RELATED TO PRE-TRADITIONAL CRIMES

The article analyzes the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2021 on the recognition of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as not conforming to the Constitution of Russia. An assumption is made about the way of development of pre-traditional crimes, taking into account the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation. An assessment of the changes in Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2021 is given.

К e y w o r d s: administrative prejudice, criminal record, traffic crimes, crimes against the interests of minors.

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

В апреле 2021 г. Конституционным Судом РФ было вынесено решение, в котором ст. 116.1 УК РФ была признана противоречащей Конституции РФ.

Поводом к рассмотрению дела о проверке конституционности ст. 116.1 УК РФ послужило заявление Л. Ф. Саковой. Она неоднократно подвергалась насилию со стороны своего брата С. В сентябре 2016 г. он был привлечен к административной ответственности за побои по ст. 6.1.1 КоАП РФ. В июне 2019 г. ему был вынесен приговор по ст. 116.1 и ст. 115 УК РФ. В октябре 2019 г. С. вновь был привлечен к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Сторона защиты настаивала на привлечении его к уголовной ответственности, ввиду наличия неснятой и непогашенной судимости за аналогичное деяние, но суд отказал, так как к моменту совершения деяния С. не был привлечен к административной ответственности, как того требуют положения ст. 116.1 УК РФ. Конституционный Суд РФ подтвердил, что решение судебной инстанции не противоречит нормам материального права.

Однако, по мнению Конституционного Суда РФ, «состояние административной наказанности и состояние судимости имеют смежную правовую при-

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

© Шевелева С. В., Долгих С. Д., 2021

роду и свидетельствуют о большей общественной опасности вновь совершенного противоправного деяния, о недостаточности ранее примененных мер. Дифференцировав публично-правовую ответственность за нанесение побоев в зависимости от их совершения впервые или повторно, федеральный законодатель не должен был игнорировать состояние предшествующей судимости за это деяние, поскольку она объективно свидетельствует о повышенной общественной опасности такого насилия и лица, его причинившего»¹.

Учитывая, что ст. 116.1 УК РФ является нормой с административной преюдицией, наличие судимости, по существу, не указывает на повышенную степень общественной опасности такого лица. Можно было бы предположить, что наиболее удачная формулировка нормы должна была содержать отсылку не только к состоянию административной наказанности, но и неснятой и непогашенной судимости за это же деяние.

Однако Конституционный Суд РФ указал, что побои могут быть составообразующим признаком объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 117, 334 УК РФ, а также являются составной частью преступлений, предусмотренных ст. 131, 156, 161, 213 УК РФ и др.

Признавая ст. 116.1 УК РФ не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она не обеспечивает соразмерную уголовно-правовую защиту потерпевших от насилия, Конституционный Суд РФ постановил, что федеральному законодателю надлежит внести изменения, суть которых сводится не к уравниванию административно и уголовно наказанных за побои, а пошел далее, указав на необходимость учета судимости за преступления, где побои являются конструктивным элементом объективной стороны насильственных преступлений.

Данное решение, на наш взгляд, должно послужить поводом к пересмотру ряда диспозиций статей, где имеет место административная преюдиция.

Все составы с административной преюдицией, кроме ст. 264.1, 284.1 УК РФ, не предусматривают наличие судимости как криминообразующий признак, а ограничиваются только фактом привлечения к административной ответственности.

В настоящее время ст. 264.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за управление транспортным средством (далее – ТС), трамваем или иным ТС в состоянии опьянения, если ранее лицо привлекалось к административной или *уголовной ответственности* за управление ТС в состоянии опьянения. Такой подход, на первый взгляд, коррелирует с высказанной позицией Конституционного Суда РФ по побоям. Но законодатель указывает на судимость за преступление, совершенное в состоянии опьянения только на автомобиле, трамвае, тракторе, самоходной машине, трицикле, квадрицикле, мопеде, т. е. ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, тогда как наличие опьянения выступает квалифицирующим признаком при управлении железнодорожным, водным, воздушным транспортом и метрополитеном (ч. 1.2, 2.1, 4 ст. 263 УК РФ). Полагаем,

¹ По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой : постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.04.2021).

установление уголовной ответственности за управление любым источником повышенной опасности, относящемся к транспорту, будь то автомобиль или яхта, в состоянии опьянения лицом, ранее привлекавшимся к административной или уголовной ответственности, соответствует принципу справедливости и равенства и не противоречит задачам уголовного закона по обеспечению безопасности, охране прав и свобод человека, а также предупреждению совершения преступлений.

Обращает внимание, что вынесенное Конституционным Судом РФ в апреле 2021 г. решение по побоям отчасти, видимо, повлияло на мнение законодателя, внесшего изменения в ст. 264.1 УК РФ федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 258-ФЗ²: ответственность для тех, кто имеет судимость за «пьяное ДТП»³ выше, чем для тех, кто привлекался к административной ответственности за управление ТС в состоянии опьянения⁴, что заслуживает поддержки. В пояснительной записке указано, что изменение ст. 264.1 УК РФ подготовлено в целях реализации Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Приведенные авторами законопроекта статистические данные позволили сформулировать вывод, что «на бытовом уровне подобные нарушения продолжают ассоциироваться с незначительным правонарушением, и лица, злоупотребляющие алкогольными напитками, будучи уверенными, что не понесут ощутимой ответственности, вновь садятся пьяными за руль. Таким образом, цели уголовного наказания ... реализуются не в полном объеме»⁵.

Несомненно, следует признать удачным и изменение наименования ст. 264.1 УК РФ: ранее, исходя из смысла названия статьи, к уголовной ответственности можно было привлечь пьяного водителя, если он нарушал правила дорожного движения, хотя само нахождение за рулем в состоянии опьянения является правонарушением. Теперь наименование ст. 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» более четко отражает смысл данной нормы.

Сказанное предполагает необходимость дальнейшего совершенствования ст. 264.1 УК РФ. Предположительно, норма могла бы выглядеть следующим образом:

«Управление источником повышенной опасности в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством,

² О внесении изменения в статью 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 1 июля 2021 г. № 258-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2021).

³ Часть 2 ст. 264.1 УК РФ с санкцией до трех лет лишения свободы.

⁴ Часть 1 ст. 264.1 УК РФ с санкцией до двух лет лишения свободы.

⁵ О внесении изменения в статью 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : проект федер. закона № 1142948-7. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте по состоянию на 05.04.2021. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>

воздушным, водным судном, железнодорожным транспортом и метрополитеном в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, – наказывается...

Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями первой, второй, четвертой статьи 263, частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей, – наказывается...

Управление железнодорожным, воздушным, морским и внутренним водным транспортом, метрополитеном лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством, воздушным, водным судном, железнодорожным транспортом и метрополитеном в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, – наказывается...

Управление железнодорожным, воздушным, морским и внутренним водным транспортом, метрополитеном лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями первой, второй, четвертой статьи 263, частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей, – наказывается...».

Как уже отмечалось выше, почти все нормы с преюдицией не предусматривают наличие судимости за аналогичное деяние в качестве конструктивного элемента. На примере ст. 157 УК РФ, как наиболее «востребованной» практикой, попытаемся сформулировать типовые ситуации. В практике встречаются случаи, когда лицо, повторно уклонившееся от уплаты средств на содержание детей в период административной наказанности, подвергается уголовному наказанию, а лицо, ранее судимое по ст. 157 УК РФ, но утратившее статус административно наказанного, привлекается за совершение таких же действий к административной ответственности, что не совсем согласуется с принципом справедливости, определяющим в ст. 6 УК РФ, так как наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Вместе с тем в научном сообществе не все согласны с таким подходом. Противоположную позицию занимает Ю. Е. Пудовочкин: «Накопление общественной опасности, достаточной для привлечения административно наказанного лица к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ, происходит к моменту возбуждения уголовного дела, а вынесенный приговор «гасит» кумулятивный эффект такой опасности. В той самой мере, в какой преступление «поглощает» административный проступок, состояние судимости «поглощает» состояние административной наказанности, которая утрачивает самостоятельное значе-

ние для решения уголовно-правовых вопросов. Поэтому повторное привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ возможно только в случае повторного накопления свойственной преступлению общественной опасности»⁶. Действительно, определенный «кумулятивный» эффект общественной опасности преступления должен завершаться фактом привлечения к уголовной ответственности. Вопрос в другом: а если назначенного уголовного наказания оказалось недостаточно, чтобы лицо приступило к выполнению возложенных на него обязанностей по содержанию несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей?

Н. И. Пикуров считает, что административно наказанное лицо, продолжающее уклоняться от выполнения алиментных обязательств и после вынесения приговора по ст. 157 УК РФ, может быть повторно привлечено к уголовной ответственности по этой же статье, «...но только в том случае, если в качестве преюдициального факта принимать во внимание осуждение по статье 157 УК РФ, а не факт привлечения к административной ответственности за «первое» правонарушение, поскольку такой факт уже вошел в конструкцию криминообразующих признаков преступления, за которое лицо было осуждено»⁷. Подобное мнение разделяют и практические работники. Так, А. Н. Романов пишет: «Должник, подвергнутый административному наказанию по ст. 5.35.1 КоАП и впоследствии осужденный за совершение преступления, предусмотренного ст. 157 УК, в случае дальнейшего неисполнения алиментных обязательств в течение срока, когда он считается подвергнутым административному наказанию, подлежит повторному привлечению к уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей»⁸.

Разделяя представленные мнения, хотелось бы добавить, что при повторном привлечении лица к уголовной ответственности после вынесения приговора по ст. 157 УК РФ возникает ситуация, когда один и тот же административный деликт дважды выступает основанием уголовной ответственности, и если конструкция «первого» преступления не нарушает принципа *non bis in idem*, то при совершении «второго» преступления, посягающего на тот же объект охраны, его незыблемость становится весьма уязвимой. Выход, как представляется, видится в нормативном определении сроков неисполнения обязанностей после вынесения приговора по ст. 157 УК РФ.

В настоящее время на практике происходит «чередование» административной и уголовной ответственности. Лицо, осужденное по ст. 157 УК РФ, в случае продолжения неисполнения семейно-правовых обязательств, составляющих объективную сторону преступления, вновь подвергается административному наказанию по ст. 5.35.1 КоАП РФ и только после этого привлекается к уголовной ответственности при условии, что имеются достаточные данные,

⁶ Пудовочкин Ю. Е. Преступление с административной преюдицией : проблемы отграничения множественности преступлений от сложного единичного деяния // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 4(66). С. 17.

⁷ Пикуров Н. И. Проблемы прогнозирования результатов действия нового уголовного закона // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 48.

⁸ Романов А. Н. Уголовная ответственность за неуплату родителями средств на содержание несовершеннолетних детей // Законность. 2019. № 9. С. 55–56.

указывающие на наличие в его действиях признаков преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ.

Таким образом, можно предположить, что решение Конституционного Суда РФ о признании ст. 116.1 УК РФ не соответствующей Конституции РФ должно послужить отправной точкой в пересмотре отдельных положений преступлений с административной преюдицией. Полагаем, что установление уголовной ответственности наряду с административной по аналогичному деянию в качестве составного элемента объективной стороны должна иметь место в преступлениях, где основным или дополнительным непосредственным объектом является право на личную неприкосновенность и (или) интересы несовершеннолетних. К данным преступлениям, на наш взгляд, следует отнести ст. 116.1, 151.1, 157, 264.1 УК РФ.

Юго-Западный государственный университет

Шевелева С. В., доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета

Промышленный районный суд г. Курска

Долгих С. Д., председатель

South-West State University

Sheveleva S. V., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Dean of the Faculty of Law
E-mail: decan46@yandex.ru

Industrial District Court of Kursk

Dolgikh S. D., Chairman
E-mail: decan46@yandex.ru

Брэгг Чарльз. «Судья-вешальщик»

СУДЬЯ-ВЕШАЛЬЩИК

Чарльз Брэгг (Charles Bragg) (1931–2017) – американский художник, известный своими сатирическими работами. Родился в актерской семье и большую часть своей юности провел в турне по Америке. Прежде чем заняться искусством, Брэгг успел поработать таксистом, водителем грузовика, автомобильным дилером, рабочим и комиком. В конце концов он поселился в Калифорнии, где и начал свою художественную карьеру с того, что писал портреты для богатых семей и даже давал уроки живописи.

Постепенно Брэгг добился успеха. Ему он был обязан саркастическим стилем своих работ, отражавших недостатки и пороки современного общества. В его картинах вся панорама людских слабостей – жадность, тщеславие, лицемерие, надменность и глупость. Гротескные персонажи его работ, равно как и герои Босха, Гойи и Домье, призваны уколоть общественное сознание или просто развлечь. Художник называл себя «преданным учеником человеческой расы» и «наблюдателем», ведь если «вы наблюдаете за человечеством и миром и не получите от этого удовольствия – вы явно что-то упустили».

Творчество Брэгга стало чрезвычайно популярным в 80–90-х гг., особенно те его работы, которые затрагивали мир юриспруденции и медицины. Популярность доходила до того, что каждый юрист старал-

ся повесить в своем офисе картину Брэгга, но с одним условием – она должна оставаться недоступной взору клиента.

Очередным примером «человеческой комедии», по Брэггу, выступает его картина «Судья-вешальщик» как отсылка к образу чрезмерно сурового судьи, известного вынесением смертных приговоров. Страдальчески-утомленный взгляд «вершителя» не оставляет надежды на возможность что-либо доказать в «его суде» и душит любой шанс на «право судебной защиты». Искусство правосудия для него давно переродилось в рутинный конвейер, и каждый, кто попал в зал суда, уже виновен, ведь «не за что» не привлекают». Индивидуальность каждого преступления не более чем университетский миф, а правда жизни легче укладывается в шаблон «обвинение–приговор–казнь». Ничто не в силах отвлечь его от монотонного судьбовершения: ни нудность кроссворда, ни эротические наброски, ни малевание свастики, ни скучные «крестики» без «ноликов». А мухобойка от докучающих насекомых и судейский молоток (пригодный лишь для колки орехов) недвусмысленно намекают на predeterminedность решения. Тупиковая безысходность пропитала это судилище, где вместо символа надежды – традиционного распятия за креслом судьи, нашлось место только для виселицы. Безнадега...

Д. Зотов